

УНА ХАРТ

ТРОЛЛШИГ ПЫК

ТЫ ГОТОВА НА ВСЕ, ЧТОБЫ НАЙТИ МАТЬ.
НО ГОТОВА ЛИ ТЫ УЗНАТЬ ПРАВДУ О СВОЕЙ СЕМЬЕ?

Уна Харт
Троллий пик

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Харт У.

Троллий пик / У. Харт — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108279-6

Люди не исчезают из самолетов – это невозможно. Так думала и шестнадцатилетняя Грейс, пока ее мать не пропала, когда летела домой. У Грейс нет ни отца, ни братьев, ни сестер. Но неожиданно появляется Вивиан, сестра матери, готовая взять девочку к себе. Вот только почему она живет в уединенном доме в лесу и никогда не приглашает гостей? Зачем на окнах железные решетки, в гардеробной гора красных туфель и куда тетка исчезает по ночам? Запертые двери, которые нужно открыть. Таинственные создания, которых предстоит встретить. Волшебные загадки, которые придется решить... Грейс готова на все, чтобы найти мать. Но готова ли она узнать правду о своей семье?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108279-6

© Харт У., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	19
Глава V	26
Глава VI	32
Глава VII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Уна Харт Троллий пик

© Харт У., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ Я. – моему первому читателю, редактору и вдохновителю.

Спасибо за то, что всегда на моей стороне. И К., которая громче всех за меня радовалась

Глава I

Грейс прижималась лбом к иллюминатору, рассматривая снежинки. Если бы не то, что каким-то чудом они оказались внутри стекла, они были бы самыми обычными. Здесь все было почти таким же, как на земле, только располагалось на десять тысяч метров выше.

Грейс постучала ногтем по стеклу. Снежинки никуда не делись. Далеко внизу плыла белая бугристая равнина облаков.

Интересно, если закрыть глаза, можно исчезнуть?

Она осторожно опустила веки. Стало темно, снежинки и иллюминатор пропали, но мир вокруг остался на месте. Мерно шумели турбины, пресно пахло омлетом – пассажиры только что позавтракали, – а от парня, сидевшего у прохода, слышался легкий сандаловый запах парфюма.

Люди не растворяются в воздухе даже в тысячах метров над землей. Почти никогда.

– Мне нужно в туалет, – сказала Грейс.

Мисс Соул вздохнула, но ничего не сказала. Она должна была сопровождать Грейс ровно до того момента, пока не сплавит ее новой опекушке. За прошедшие четыре недели столько людей крутилось вокруг, что Грейс была даже рада, когда суета наконец закончилась.

Она, конечно, предпочла бы остаться в собственном доме, даже если пришлось бы жить там одной, но ей объяснили, что это невозможно.

Соработница дотронулась до плеча соседа. Тот спал, но проснулся тут же. Из-за шума двигателя Грейс не слышала, что мисс Соул ему сказала, но парень поспешно кивнул и встал, давая им выйти.

Табло над дверью светилось зеленым, значит, туалет свободен. Грейс заходила сюда уже в третий раз. Должно быть, мисс Соул решила, что у нее понос. На самом деле Грейс нужно было убедиться, что человек не может сбежать из кабинки. Она уже несколько раз проделывала этот ритуал: смывала воду и заглядывала в дыру слива, поднимала крышку мусорного контейнера, обшаривала углы... Люди не исчезают просто так, ведь правда? Не обнаружив ничего нового, Грейс умылась холодной водой и в последний раз взглянула в зеркало.

Она где-то читала, что несчастья меняют человека. Если ты пережил горе, лицо осунется и побледнеет, щеки впадут, а под глазами образуются темные круги. Но зеркало говорило обратное. Что-то вроде: «Ты – здоровая девица, которая любит поесть, ненавидит причесываться, никогда не носит розовое, обожает талисманы и дешевые колечки с блошиных рынков, кусает губы и грызет ногти».

Еще раз осмотрев туалет и убедившись, что вывалиться наружу через слив невозможно, она вернулась на свое место. Стюардессы развозили чай и кофе, медленно двигая тележки между рядами кресел. Мисс Соул на месте не оказалось. Парень у прохода снова поднялся, пропуская Грейс.

– Твоя мама тоже отошла в туалет, – предупредил он и улыбнулся.

В иной ситуации Грейс поболтала бы с соседом или предложила ему сыграть партию в маджонг на телефоне, чтобы скоротать время в полете. Но сейчас она растерялась, и первое, что пришло в голову, прозвучало почти враждебно:

– Она мне не мама.

– Для подружки тоже старовата, – ответил парень.

Это совершенно его не касалось. Он просто искал повода познакомиться, но Грейс разозлилась. В последнее время ее многое выводило из себя. Несколько раз она даже срывалась и кричала на людей, которые хотели помочь: на полицейских, соработников и один раз даже на психолога, а ведь он просто предложил ей сесть. Все говорили, что это из-за потери, но Грейс знала, что причина в другом.

Она злилась на мать. Злилась, что та исчезла, что позволила себя похитить или убить, что не вырвала зубами свою свободу, не смогла вернуться к дочери.

Чужак, который лез в ее дела, имел все шансы нарваться. Он выглядел лет на двадцать и, надо признать, был красавчиком. Темные, слегка растрепанные волосы закрывали кончики ушей – обычно парни опасаются, что длинные волосы придадут им женственности, но этот не боялся. Глаза темно-синего, почти черного цвета смотрели отстраненно, будто сквозь тебя. Неуютный взгляд и одновременно завораживающий. Черные джинсы и водолазка с высоким мягким воротником – отличный выбор для самолета.

– Она из социальной службы.

Голос звучал странно, словно за Грейс говорил кто-то другой. Ей не хотелось вступать в разговор, но надо было что-нибудь ответить. Она тут же испугалась, что парень решит, будто она из семьи алкоголиков или наркоманов. Это было так неприятно, что Грейс быстро добавила:

– Моя мать пропала без вести.

Она никогда не произносила эту фразу целиком. Сто раз слышала ее по телевизору, читала в заголовках новостей, но никогда не говорила вслух. Словно рухнул последний барьер, отделявший ее от прежней жизни.

– Мне очень жаль, – нахмурился парень.

Он явно рассчитывал на легкий флирт, поняла Грейс. Ничего серьезного. Кто же знал, что она зажмет его в тиски своих неприятностей?

– Твоя мама пропала во Фьельби? Там, куда мы направляемся?

– Нет. – Грейс взяла со столика пластиковый стаканчик с водой и сделала большой глоток, чтобы успокоить нервы. – Она исчезла из летящего самолета.

Хотелось крикнуть ему в лицо: «Поэтому и говорят «пропала», кретин, раз никто не знает, где она! Исчезла, потерялась, сгинула!» Грейс сделала глубокий вдох и разжала пальцы. Стакан треснул, и его стенки сошлись изнутри, а она и не заметила.

Парень вдруг оживился:

– Так это о ней сейчас пишут на всех сайтах? Лора Берг, которая растворилась в воздухе?

Это прозвучало до отвращения восторженно. Грейс прекрасно знала, что ее мать стала всемирной диковинкой. Над ее таинственной пропажей ломали головы и следователи, и интернет-пользователи.

Сначала Грейс сутками мониторила соцсети, боясь упустить любую зацепку. То и дело появлялись сообщения, будто Лору видели в разных концах страны, но все без толку – ни одно не подтвердилось. Мамин «Фейсбук» тоже не давал никаких подсказок, только сыпались бесконечные комментарии к последней записи: «Лора, мы тебя ждем», «Лора, мы верим, что ты жива»... Словно все думали, что Лора прочитает и лайкнет каждый комментарий по отдельности, как она всегда поступала. Сама Грейс давно перестала лайкать. Эти люди стали ее раздражать. Сколько бы они ни писали, сколько бы ни заверяли, что не теряют надежды, на самом деле они просто обновляли страницу и жили дальше.

Грейс прикрыла глаза и услышала голос матери: «Гри-Гри, я в самолете. Место в последнем ряду, представляешь, как не повезло?» Грейс тогда как раз вернулась из школы и стояла перед входной дверью, копаясь в сумке в поисках ключей. Телефон пришлось зажимать плечом, и он постоянно норовил выскочить.

«Это те, где спинка не откидывается? Стремно». – «Не то слово, – согласилась Лора и добавила уже веселее: – Зато соседей нет. Растянусь на все три сиденья и буду дрыхнуть весь полет!»

Грейс не знала, удалось ли матери поспать. Она, как и следователи, знала одно: ее мать, загорелая и поджарая, с мальчишеской фигурой и короткой стрижкой, поднялась на борт на Гоа и не покидала его, пока самолет не взлетел. Но в аэропорту прибытия Лора так и не появи-

лась. Собственно, она не появилась нигде. Осталась только сумка, с которой она ездила отдыхать. Грейс ее не отдали, сказали, что сумка может быть уликой. Мисс Соул как-то проболталась, что мать везла кучу ракушек. Грейс обожала ракушки. Раньше. Теперь она смотреть на них не могла.

– Тебя отправляют в приют или к отцу? – как ни в чем не бывало поинтересовался красавчик-сосед. Да уж, подумала Грейс, деликатности ему не занимать... Впрочем, почему не ответить? Что это изменит?

– У меня нет отца. Точнее, он где-то есть, просто я его не интересую.

Сотню раз Грейс представляла, что социальные службы нашли отца и отправляют ее к нему. Эта мысль была одновременно пугающей и привлекательной. Грейс воображала то гениального художника, налегающего на спиртное, то миллионера с собственным особняком и штатом прислуги, то простого обывателя с женой и тремя детьми.

– Я еду к тетке, – неохотно призналась она. – Поживу там, пока мать не найдут.

Вернулась мисс Соул и уселась на свое место. Разговаривать стало неудобно. Грейс опять схватилась за журнал. Она уже пролистала его от корки до корки, но заняться больше было нечем: книгу она не взяла, ноутбук разрядился, и даже музыку на телефоне нельзя было послушать – на борту этого самолета Интернета не было.

Больше всего на свете ей хотелось запереться в ванной и просидеть там часа два, слушая, как шумит вода, разбиваясь о ступни. Грейс часто опускала ноги в горячую воду, сидя на бортике ванны. Это ее успокаивало. Не хотелось ни о чем думать, ни о чем беспокоиться... Просто замереть на секунду, как человек, который подбросил монетку и ждет, какой стороной она упадет.

Грейс устала задавать себе одни и те же вопросы по кругу.

Первый: «Где мама?»

И второй: «Почему я раньше не слышала, что у нее есть сестра?»

Глава II

Когда самолет упруго качнулся при посадке и на огромной скорости покатил вперед по полосе, Грейс поняла, что не хочет выходить. На секунду она представила себе, как в зале ожидания увидит маму, которая просто решила ее разыграть. Это было бы похоже на Лору – она обожала приколы. Но что-то шутка слишком затянулась.

Едва капитан поздравил пассажиров с удачным приземлением, мисс Соул вскочила. Грейс достала из-под кресла сумку с ноутбуком и собиралась попрощаться с попутчиком, но очередь двинулась к выходу, и пришлось поспешить. Рукава, соединяющего самолет с аэропортом, здесь не оказалось. Пришлось спускаться по трапу прямо на летное поле, где ждал автобус. Грейс не успела надеть шапку и застегнуться, так что резкий ледяной ветер швырнул ей волосы в лицо. Декабрь в этих краях был стылым и суровым, как и обещал прогноз погоды.

Городишко Фьэльби был так мал, что ему хватало всего одного аэропорта. Грейс уже была здесь с мамой, когда они прилетали на похороны бабушки. Бабушкин дом был в соседнем городишке под названием Ландсби, примерно в часе езды. Но в тот раз за ними сразу приехало такси, и Грейс не успела разглядеть Фьэльби как следует.

Судя по первому впечатлению, даже одного аэропорта было многовато. Грейс ожидала увидеть море людей в зале выдачи багажа, но обнаружила только ряд пустых стульев, скрепленных между собой, как в школьном актовом зале. Динамик объявил о прибытии самолета и замолчал. Похоже, никаких других рейсов в этот день не предвиделось. Багажной ленты тоже не было: вместо этого через дверь в дальней стене въехала тележка. Двое рабочих в синих комбинезонах выгрузили с нее чемоданы прямо на пол. Свой чемодан Грейс увидела не сразу – он спрятался за двумя массивными сумками, гитарой в чехле и упакованными в пленку лыжами.

Где-то за стеклянной перегородкой ждала незнакомая родственница. Грейс заранее знала, как все будет. С тех пор как мама пропала, и знакомые, и чужаки вели себя одинаково. Все бормотали слова сочувствия, смотрели жалостливо и растерянно, но в глубине их взглядов всегда крылась неприязнь. Никому не нравится, когда люди исчезают без вести, а их родные остаются немим укором человеческой беспомощности. «Смотрите, – словно говорила им Грейс, – кто-то, кого вы любите, тоже может пропасть бесследно, и вы никогда не узнаете, что случилось!»

А еще сочувствующие всегда норовят тебя обнять. Грейс это ненавидела. Давным-давно, когда она еще была пухлой малышкой и желающих потрогать ее было намного больше, мама всегда говорила прямо: «Грейс не нравится, когда к ней прикасаются незнакомые люди. Пожалуйста, сначала спросите разрешения. Спасибо». Мама всегда без запинки произносила эту речь. Говорила не грубо, но очень убедительно, не улыбалась, не кокетничала и не извинялась.

Грейс попыталась представить, как ее будет обнимать тетка. Может, даже расплачется или, хуже того, назовет «бедной крошкой». Грейс понятия не имела, как тетка выглядит и ведет себя. Может, она многодетная мать, делает по утрам блинчики с джемом и носит передник. А может, она религиозная сектантка или работает менеджером по продажам. Точно можно сказать одно: она совсем не такая, какой была мама... Но Грейс тут же одернула себя за это мерзкое «была», которое то и дело вкрадывалось в ее мысли, словно крысы в кладовку.

– Пойдем, – поторопила ее соцработница, – мисс Берг ждет у выхода.

Других пассажиров вокруг не осталось. Грейс и мисс Соул последними вышли через стеклянную дверь в крохотный зал ожидания, где ожидающая была только одна. Женщина стояла, прислонившись спиной к колонне и отвернув голову от прохода, так что ее лицо было видно в профиль. И по этому профилю Грейс поняла, что тетка совершенно не похожа ни на ее мать, ни на домашнюю «пухляшку», которую она успела вообразить.

Вивиан Берг была высокая, тонкокостная и очень прямая, будто проглотила стержень. Грейс назвала бы ее красивой: высокие скулы, четкая линия подбородка, нос прямой и острый. Волосы у тетки были такого же светло-соломенного цвета, как у матери, только, в отличие от Лоры, длинные. Вивиан убирала их в свободный пучок. На ней были серые брюки и короткое черное пальто. А еще – круглые очки, совсем как у Гарри Поттера, если не считать того, что в них были темные зеркальные стекла.

Когда они с мисс Соул подошли, женщина обернулась. Грейс увидела отражение в стеклах очков – две крошечные фигурки, окольцованные серебристой оправой.

– Мисс Берг? – спросила мисс Соул и улыбнулась милой профессиональной улыбкой.

Вивиан не сняла очки. Улыбка, которой она ответила собеседнице, была дежурная и невыразительная, как электрическая лампочка.

– Да.

Предполагалось, что она скажет что-нибудь еще, сделает шаг навстречу, протянет руку для пожатия. Но Вивиан стояла в той же позе, не выражая никакого желания сократить дистанцию.

– А вот и Грейс, – сказала мисс Соул, подталкивая девушку вперед. Будь Грейс младше, соцработница поправила бы на ней куртку и вытерла влажной салфеткой грязь со щеки.

На Грейс уставились черные очки-зеркала. Они качнулись: непонятно было, тетка кивнула или окинула племянницу взглядом с головы до ног.

– Мне нужно подписать какие-нибудь документы? – только и спросила Вивиан.

– Нет, вы ведь все прислали в электронном виде... Если что-то понадобится, мы позволим.

– Отлично, – коротко кивнула Вивиан. – Тогда мне пора. – Она помолчала, а затем неохотно поправилась: – *Нам* пора.

По тому, как прозвучало это «нам», Грейс окончательно убедилась: никаких блинчиков с джемом в ближайшем будущем не предвидится.

Торопливо попрощавшись, мисс Соул покинула их: ей нужно было пройти регистрацию на обратный рейс. Оставшись наедине с племянницей, Вивиан не спросила, как та долетела, не посочувствовала, не стала заверять, что все будет хорошо, – словом, не сказала ничего из того, что ожидала услышать Грейс. Она лишь сухо кивнула в сторону выхода:

– Парковка там.

Чемодан Грейс был хоть и на колесиках, но большой и тяжелый. В дополнение к нему шли сумка с ноутбуком и рюкзак с дорожными мелочами. У Вивиан была только маленькая сумочка на ремешке через плечо, но она даже не подумала предложить помощь, поэтому Грейс волокла все сама.

На парковке было всего три машины. Грейс двинулась к той, что справа, изящной, небольшой, светло-салатового цвета. Но приветственный сигнал раздался слева. Обернувшись, Грейс увидела, как Вивиан открывает дверь массивного черного джипа, такого же самодовольного и блестящего, как ее зеркальные очки.

Лоре бы это не понравилось. Лора ездила только на общественном транспорте или на велосипеде и считала, что иметь личный автомобиль – безответственно. Тем более такой огромный, который наверняка выбрасывает в атмосферу целые тонны углекислого газа... Но Лоры здесь не было.

Грейс с трудом взгромоздила чемодан в багажник и туда же бросила рюкзак. Поколебавшись, она выбрала заднее сиденье. Обычно водители туда сваливают все, что забывают выбросить или донести до дома, но у Вивиан нигде ничего не валялось, как если бы она взяла машину напрокат. Автомобиль может многое рассказать о своем владельце: четки на зеркале подскажут вероисповедание, а детское кресло красноречиво намекнет, что дома ждет малыш. Но в

машине Вивиан не было ни единой личной вещи, ни пятнышка на обивке, ни даже бутылки воды в кармане сиденья. Ничего, что могло бы дать Грейс подсказку.

С тех пор как они сели в машину, Вивиан не проронила ни слова, если не считать «пристегнись». Грейс надеялась, что тетка включит музыку, но та и не подумала, так что ехать пришлось в гнетущей тишине. Аэропорт остался позади, вокруг тянулась унылая промзона, одинаковая во всех городах цивилизованного мира. Вдалеке виднелись громадные бетонные цилиндры, из которых валил пар. Наверное, это был какой-нибудь завод.

Украдкой Грейс рассматривала Вивиан в зеркальце заднего вида. На удивление, даже в машине тетка не сняла очки. Она вообще видит через них дорогу? Рука, лежавшая на руле, была ухоженной, с аккуратным маникюром, на безымянном пальце – массивное кольцо с зеленым камнем.

– Мне жаль, что приходится вас утруждать, тетя Вивиан, – сказала Грейс, чтобы нарушить молчание. И тут же разозлилась на себя, так жалко это прозвучало, словно в сентиментальной книжке о бедной сиротке. «Никогда не извиняйся, если ты по-настоящему не виновата», – говорила Лора.

– Просто Вивиан, – сухо поправила женщина за рулем. – Называй меня по имени. Я впервые тебя вижу, и до этого дня племянницы у меня не было.

«Да, – подумала Грейс, – а у меня не было тетки, и я бы неплохо прожила без нее».

– Нам далеко до города?

– Нет, – ответила Вивиан.

Беседа определенно не клеилась. Грейс отвернулась и стала смотреть в окно. Промзона наконец закончилась, и пейзаж стал живописнее. Слева круто уходил вверх скалистый склон, поросший лесом. Только на самом верху деревья не росли, и заснеженная лысая макушка казалась одинокой и суровой. Дорога петляла вдоль склона, и казалось, что гора гонится за машиной, то вздымаясь почти до облаков, то скатываясь вниз.

Потом гора отступила, шоссе вильнуло вправо, и по обеим сторонам вдруг стали выныривать дома. Мелькнула автозаправка, с другой стороны зазывно сверкнула вывеска супермаркета. Чуть дальше у края дороги стоял желтый школьный автобус, в него садились дети в разноцветных куртках, с рюкзаками за спиной. Грейс рассматривала их пестрые шапки и остро завидовала. Сейчас эти дети вернутся домой, вечером за ужином будут болтать с родителями...

– В этой школе я буду учиться? – спросила она, чтобы отвлечься.

Вивиан коротко кивнула:

– Да, здесь нет других. Но в социальной службе сказали, что у тебя психологическая травма, так что стоит вернуться к урокам чуть позже.

«В социальной службе сказали»? А что, это не очевидно? На самом деле Грейс меньше всего хотелось идти в новую школу. Придется объяснять, почему она живет с теткой, а не с родителями, снова отвечать на набившие оскомину вопросы: «Да ты что! Твоя мама – та самая, что пропала из самолета?», «Ты уверена, что она жива?», «А где твой отец?».

– Тебе нужно прийти в себя после потери матери, – холодно продолжала опекунша. – Но я бы на твоём месте не затягивала и вернулась к учебе сразу после рождественских каникул.

Грейс неприятно резануло слово «потеря».

– Мама не умерла, – жестко ответила она.

– По статистике, большинство пропавших без вести на самом деле мертвы, – ответила Вивиан так спокойно, словно оглашала прогноз погоды по радио.

Грейс почувствовала, что сейчас взорвется. Но не потому, что тетка даже не пыталась щадить ее чувства, а потому, что она говорила правду. Грейс и сама знала статистику: девять из десяти пропавших однажды находят где-нибудь в лесу, в безымянной могиле, на дне реки или расчлененными на свалке, когда тело уже успело разложиться. «Я не могу представить маму мертвой», – подумала она, но мозг тут же подкинул нужный образ. Он был таким ярким, как

если бы Грейс и вправду видела это: посеревшую, будто искусственную кожу, опавшее лицо, абсолютно неподвижные веки.

«Полтора месяца назад ты была на похоронах бабушки, – сказал внутренний голос. – Отсюда и образ. Никакой связи. Ты не телепат, а предчувствий не бывает. Просто готовишься к худшему».

– Тело не нашли, – сказала она вслух. – Пока не доказано обратное, она жива.

«По крайней мере, официально так будет считаться еще семь лет». У Грейс всегда была идеальная память. Иногда это помогало, в другой раз хотелось хорошенько тряхнуть головой, чтобы оттуда вывалилось все лишнее.

Как-то Грейс попала статья о женщине, которая ничего не забывала. Ей можно было назвать дату, и она сразу отвечала, какая была погода, какой день недели и о чем рассказывали в новостях по телевизору. Потом выяснилось, что она жульничает, но Грейс эта история впечаталась в память.

Сама она могла бы в деталях рассказать только об одной дате. Когда? Ровно месяц назад. Погода? Ветреная и сухая. День недели? Понедельник. Какие новости? Мама не вернулась домой.

Глава III

Вивиан словно и не собиралась останавливаться. Она вела машину все дальше за город. Дома закончились, по обе стороны вновь тянулся лес. Он загустел, будто острые сосны, карабкающиеся на горы, старались держаться как можно ближе друг к другу.

Неожиданно Вивиан выкрутила руль, и они свернули с шоссе на грунтовую дорогу. Грейс слегка занервничала. Обычно говорят: «Не садись в машину с посторонним мужчиной», – и никогда ни слова о женщинах. Может быть, зря. Что мешает той же Вивиан сейчас прикончить ее в лесу?

«Например, ее подпись в документах об опекунстве?» – осторожно уточнил здравый смысл.

Сам по себе лес ей нравился. Грейс всегда хотела жить поближе к природе, но в городе, где они с Лорой снимали квартиру, были только парки. Милые, но слишком «вылизанные», избалованные человеческим вниманием.

Однако сейчас Грейс бы предпочла быть ближе к цивилизации, например, к заасфальтированным дорогам и фонарям. На грунтовке машину то и дело встряхивало. Свет почти не проникал сквозь плотные кроны деревьев, но Вивиан все равно не сняла очки, и это не нравилось Грейс еще сильнее. Интересно, она вообще что-нибудь видит сквозь такие темные стекла? Но Вивиан мягко вела автомобиль по колею и, похоже, так хорошо знала дорогу, что могла проделать ее с закрытыми глазами. Любопытно, как справляется машина, когда дожди размывают грязь под колесами?

Наконец заросли отступили, и Грейс увидела дом. Он появился из леса неожиданно, будто стеклянный гроб Белоснежки. На Грейс уставились панорамные окна во всю стену. Крыша немного приподнята, наружу торчит балкон, подсказывая, что где-то там прячется мансарда. Справа небольшая пристройка – наверное, гараж. К дому вела тропинка из каменных плит неровной формы.

Вивиан мягко затормозила.

– Я поставлю машину в гараж, а ты можешь идти в дом.

Она открыла сумочку и протянула Грейс ключи на брелоке в виде железного гвоздя. Повторив фокус с чемоданом и рюкзаком в обратном порядке, Грейс направилась к дому. Вблизи он оказался больше, чем поначалу показалось. Заглянув за угол, Грейс даже разглядела край террасы и большую круглую ванну из дерева, стоящую на самой кромке леса. Никогда в жизни она не видела, чтобы ванна стояла на улице, но, может, во Фьельби свои причуды. Над входной дверью висела подкова с засушенными ягодами рябины. Ну да, местный колорит, традиции и все такое.

Внутри было тихо и как-то... негостеприимно. Как будто каждая вещь кричала в лицо Грейс: «Тебе тут не рады!» Это было место, целиком и полностью созданное и обставленное ради одного человека – его хозяйки. Здесь не думали об удобствах гостей и не заботились о том, как продать дом в будущем.

Справа от входа располагалась гостиная: посередине изгибался длинный диван с дюжиной подушек, ступни утопали в мягком ковре. Здесь даже был камин! Грейс не смогла определить сразу, настоящий или искусственный. Если настоящий, то в нем можно было бы легко зажарить ногу быка, таким он был громадным.

На полу были свалены книги, а на каминной полке стоял настоящий каменный цветок – зеленые кристаллы разрастались из центра в виде трубочек. В середине «цветка» трубки были крупнее, а по краям – совсем тонкие и хрупкие. Грейс подошла поближе и услышала за спиной шаги Вивиан.

Тетка остановилась на пороге, словно не зная, что говорить и делать дальше. Впервые Грейс пришло в голову, что Вивиан так же растеряна, как она сама.

– Красиво, – вежливо сказала она, стараясь казаться милой. – Как называется этот камень?

– Это берилл, – после паузы ответила Вивиан. – В друзе он действительно очень красив.

«В чем?» – хотела переспросить Грейс, но не стала. А в голосе тетки впервые проскользнуло что-то, похожее на теплоту. Вивиан подошла ближе, так что Грейс услышала запах ее духов.

– Можешь пока осмотреться. Слева моя мастерская, туда заходить нельзя. Дальше по коридору – кухня, столовая и моя спальня. Ты будешь жить в мансарде на втором этаже. Я заказала тебе кровать, ее сегодня привезли.

Мастерская? Интересно, что нужно мастерить, чтобы отгрохать такой дом? И что означает «заказала кровать»? Неужели в таком дворце нет комнаты для гостей? У нее что, вообще никогда никто не остается ночевать?

– Вы замужем? – спросила Грейс.

Вивиан уставилась на нее.

– А разве похоже? – удивилась она.

Грейс чувствовала себя неловко под взглядом тетки. Она не видела, как двигаются глаза под очками-зеркалами, но чувствовала, как их взгляд внимательно и настороженно ее ощупывает.

Как бы там ни было, осмотреть дом все равно придется. Ей предстоит тут жить, пока не вернется мама. Грейс изо всех сил гнала от себя мысль, что этого может никогда не случиться. Впрочем, сама она вряд ли задержится у тетки надолго. До совершеннолетия оставалось два года, а потом Вивиан сможет с чистой совестью вышвырнуть ее за порог.

Грейс вышла из гостиной и двинулась по коридору. Остановилась, чтобы рассмотреть тяжелую, обитую железом дверь, которая, по словам хозяйки дома, вела в мастерскую. Интересно, зачем такие предосторожности? Что там скрывается ценного?

В столовой за панорамным окном виднелся заснеженный лес, но сама комната казалась нежилой. Она напоминала обложки мебельных каталогов: смотрится мило, но ты знаешь, что яблоки в вазочке пластиковые, а в холодильнике пусто.

Живот Грейс некстати заурчал. Она вспомнила, что в последний раз ела еще в аэропорту до вылета. В самолете завтрак был совершенно безвкусный, но сейчас Грейс была бы рада и сухой булочке в пластиковой обертке.

– Я загляну в холодильник? – крикнула она, но тетка не удосужилась ответить. Не дождавсь возражений, Грейс открыла дверцу. В конце концов, не мертвый же кот у нее там!

Увиденное неприятно поразило Грейс. Нет, мертвого кота внутри действительно не было. Там не было вообще ничего, если не считать засохшего лимона и бутылки кетчупа. Грейс с надеждой приоткрыла несколько шкафчиков над плитой, но и там было хоть шаром покати.

В столовую вошла Вивиан.

– Ты хочешь есть? – озадаченно спросила она, как будто совершенно забыла, что людям временами нужно подзаряжаться.

– А вы сидите на диете? – предположила Грейс. Интересно, что это за диета такая, на которой питаются только кетчупом?

– Просто редко ем дома, – отозвалась Вивиан, пожимая плечами. Она что-то обдумала и, вздохнув, взглянула на настенные часы: – Я поеду куплю что-нибудь на ужин, пока супермаркет открыт.

Грейс тоже посмотрела на часы – еще не было даже восьми. Во сколько же тут все закрывается?

– Можешь пока принять душ и занести в свою комнату вещи. На улицу не выходи, – распорядилась Вивиан. – Дверь захлопывается автоматически, а я еще не сделала новые ключи.

Оставшись в одиночестве, Грейс пошаталась по дому. Теткина спальня была заперта (Грейс не планировала проверять, но не смогла не подергать ручку). Зато ванная впечатляла своими размерами – почти как маленький бассейн. По бортикам выстроились в длинные линии шампуни и баночки с кремами, на полках – оплавленные свечи. А в квартирке, где Грейс жила с мамой, помещалась только душевая кабина.

Вернувшись в коридор, она заметила дверь, которая отодвигалась в сторону. Включив свет, обнаружила себя в гардеробной. Раньше Грейс думала, что такие комнаты бывают только у знаменитостей вроде Пэрис Хилтон.

Здесь был отдельный шкаф от пола до потолка, занятый только обувью. Попадались и сапожки, и беговые кроссовки, но больше всего было туфель, причем одного цвета. И балетки, и лодочки, и даже сандалии с ремешками переливались всеми оттенками алого. Это местная мода или Вивиан так неравнодушна к красному цвету?

На вешалках висело множество вечерних и коктейльных платьев – Грейс даже не могла придумать, зачем одному человеку столько. Тетка что, каждый день получает «Оскара»?

Волоча свой чемодан по лестнице, она думала лишь о том, как бы не поцарапать паркет. Второй этаж оказался еще скучнее первого: в одной из комнат вообще не было мебели, в другой стояли тренажеры, похожие на останки мелких динозавров. Грейс порадовалась только велодорожке, без всего остального она бы как-нибудь прожила. Интересно, в этом городишке можно взять велосипед напрокат?

До мансарды оставался еще один короткий подъем, и наконец Грейс последним рывком втащила чемодан в свою комнату. Это оказалась уютная небольшая спальня под скатом крыши. Здесь действительно был балкон, откуда открывался вид на лес. Кровать явно только что привезли – это был стандартный двуспальный остов с матрасом, на котором валялись запакованное постельное белье и пара полотенец. Больше в комнате ничего не было, если не считать стола с лампой, шкафа и старомодного фанерного сундука, стянутого потертými ремнями.

Первым делом Грейс бросила на кровать рюкзак и сумку с ноутбуком. Достала телефон: вай-фай в доме был, но под паролем, а вот остальные сигналы ловились плохо.

Она села на кровать, чувствуя себя уставшей, голодной и разбитой. Снаружи уже стемнело, и во дворе зажглись фонари, работавшие, должно быть, от солнечных батарей, потому что светили неярко. Грейс понятия не имела, когда вернется тетка, да и какая разница – разговаривать им все равно не о чем.

Надо было чем-нибудь занять себя, чтобы не думать. Грейс встала, прошлась по комнате, открыла шкаф: и тут вечерние платья, ни одной свободной вешалки! Зло хлопнув дверцу, она огляделась в поисках места, где можно было пристроить свою одежду. Взгляд упал на сундук. С виду он казался пустым, но, взявшись за ручки, Грейс почувствовала: внутри что-то есть. Правда, совсем легкое, так что и для ее вещей может найтись место.

Расстегнув ремни, Грейс откинула крышку и оторопела: здесь тоже были туфли, сундук был набит ими доверху! Грейс вынула одну: сбитый каблук, потрескавшийся алый лак, подошва словно разлезалась под пальцами. Она достала другую – не из той же пары, но тоже красную, только у этой каблук был низким и устойчивым. Но и тут палец проваливался сквозь дыру в подошве, будто проткнув обувь насквозь.

Грейс стало не по себе. Она сунула руку в самую глубину чемодана, нащупала там что-то небольшое и, дернув с усилием, извлекла на свет детскую туфельку. Та была немного другого оттенка, ближе к малиновому, и помещалась на ладони. Закрытые носок и пятка, лакированный ремешок – Грейс даже показалось, что у нее в детстве были точно такие же. Она перевернула туфельку. И села на пол, замороженно рассматривая подошву.

– Да какого черта! – сказала она вслух.

Туфли были разного размера и фасона, одни на шпильках, другие вообще без каблука, но у всех было два общих свойства. Первое – все они были красными, хоть и разных оттенков, от алого до бурого. Второе – у всех подошва была стерта до толщины газетного листа и зияла дырами.

Что нужно делать с обувью, чтобы довести ее до такого состояния? Носить годами? Но, судя по обилию туфель, их хозяйка могла себе позволить хоть каждый день покупать новую пару. Тереть наждачной бумагой – но зачем? Может, Вивиан зарабатывает тем, что тестирует новые модели?

Внизу хлопнула дверь, и Грейс подскочила. Вивиан не запрещала ей рыться в вещах, велела только не заглядывать в мастерскую, но кто знает, как она отреагирует? Грейс сунула туфли обратно, придвинула сундук к стене и поспешно сбежала вниз.

Вивиан привезла из супермаркета три огромных пакета еды. По их содержимому могло показаться, что она никогда в жизни не ездила за покупками. Тетка будто хватала с полок без разбору все подряд. Тут были пакеты с хлопьями, несколько видов сыров, банки с тушенкой, арахисовое масло, соленая рыба, кола, пара упаковок яиц и жидкость для розжига угля. Последняя явно попала в тележку случайно – непохоже, чтоб в этом доме часто разжигали камин.

«Она что, шопоголик?» – раздраженно думала Грейс, раскладывая еду по полкам в холодильнике и пустым шкафчикам. Тетка отправилась переодеваться, и Грейс крикнула ей вслед:

– Вы что-нибудь будете? Я могу приготовить!

Дома с мамой они не ели мяса, зато знали тысячу и один способ приготовить вегетарианское карри. Хотя вряд ли в этом доме найдется куркума. В то, что Вивиан умеет готовить, Грейс не верилось. Не хотелось бы макать гренки в жидкость для розжига вместо соуса.

– Мне ничего не нужно, – ответила Вивиан, входя в кухню и на ходу завязывая пояс. Она переделась в длинный белый халат с просторными рукавами, напоминающий кимоно. Без массивного кольца руки казались тонкими и нежными. А вот очки все еще были на ней, хотя даже при электрическом свете в них должно быть слишком темно.

– Я хорошо готовлю, вам понравится, – настаивала Грейс. Не хотелось, чтобы тетка считала ее нахлебницей.

– Это вряд ли, – отрезала Вивиан. Она отщипнула зеленую виноградину от лежавшей на столе грозди, отправила себе в рот и тут же сморщилась, как если бы ей попалась слишком кислая ягода.

– Вы на диете? Может, салат? Мне правда несложно...

– Я же сказала: нет! – отрезала Вивиан. Она достала из шкафчика стакан, наполнила его водой из крана и выпила залпом. – У меня сложная диета, – уже мягче добавила она. – Ты можешь распорядиться едой, как захочешь. Для меня готовить не надо. Исключение составляет кофе по утрам. Кофе я пью, и он всегда должен быть в доме.

Грейс улыбнулась:

– Кажется, это самая длинная ваша фраза за все наше знакомство.

Вивиан покрутила в руках стакан, с преувеличенным вниманием рассматривая дно.

– Я не люблю гостей, – сказала она наконец, – и тебе запрещаю кого-либо приглашать в дом. Мне потребуется время, чтобы привыкнуть, что ты тут живешь.

– Понятно, – сухо ответила Грейс, убирая виноград в холодильник.

«Похоже, мне потребуется времени еще больше», – подумала она.

– Деньги лежат в шкафчике в коридоре, – продолжала Вивиан. – Можешь брать, сколько тебе нужно. Если я в мастерской, заходить нельзя. Стучи, если что-то очень срочное.

Вивиан помолчала, потом добавила:

– Когда я говорю «очень срочное», я имею в виду, что дом в огне или кто-то ворвался с пистолетом. Только убедись, что он точно выстрелит, чтобы мне не приходилось отвлекаться из-за ерунды.

Ей явно хотелось поскорей закончить разговор. А Грейс чувствовала бы себя спокойнее, если бы чем-то заняла руки. Она еще раз проверила содержимое пакетов, с облегчением обнаружив в одном упаковку яиц. Вивиан ткнула пальцем в шкафчик, где хранилась посуда. Вынутая оттуда сковородка была такой чистой и гладкой, словно ее никогда в жизни не использовали. Грейс разбила яйца о край сковороды, и желтки с белками, не отделившись и не смешавшись, упали, шипя, на тефлон.

– Можешь брать что угодно, но я запрещаю копать в моих личных вещах.

Грейс замерла. Вивиан заметила, что она открывала чемодан? Но ведь тетка даже не поднималась наверх!

– Есть еще вопросы? – с деловым видом осведомилась Вивиан.

– У вас глаза болят? – выпалила Грейс. Нужно было спросить что-нибудь другое, но ей не давало покоя, что даже поздним вечером Вивиан не сняла очки.

Грейс думала, что опекунша ответит что-нибудь резкое, но та молча подняла руки к лицу. Пальцы на секунду замерли на дужках, словно Вивиан колебалась. Но в конце концов она сняла очки и посмотрела на Грейс.

Наверное, если бы Вивиан не прятала глаза до того, контраст казался бы меньше. Левый глаз выглядел совершенно обычным, у него даже ресницы были покрашены. А вот роговицу правого будто затянуло мутным облаком. Глаз был неправильной формы, словно оплавившийся воск, и от него к виску тянулась сеточка светлых рубцов. Грейс почувствовала, как по коже бегут мурашки, словно от холода.

– Уже не болят, – сказала Вивиан, насладившись эффектом и отложив очки. – А у тебя сейчас яичница сгорит.

Грейс спохватилась и выключила плиту. Сгореть яйца, к счастью, не успели, но паленым и правда пахло.

– У вас глаза режет от яркого света? – спросила Грейс, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. В конце концов, ничего страшного действительно не было.

– Нет. Я ношу очки, чтобы не пугать людей.

– Но на мой испуг вы рассчитывали, – заметила Грейс без обиняков.

– Просто ждала подходящего момента. – Вивиан улыбнулась. Быстро, почти молниеносно: вот губы растянуты, а вот снова собраны, как будто выражение лица не менялось. – Я пойду в ванную, а потом лягу.

– Какие планы на завтра?

Вивиан подняла брови.

– Я здесь гостя и должна под вас подстраиваться, – пояснила Грейс.

– Я собиралась заехать к отцу.

Грейс вдруг почувствовала, что ее будто кипятком облили. Когда она и Лора ехали на похороны бабушки, мама долго звонила кому-то по мобильному из такси. Но либо трубку не брали, либо абонент был недоступен, потому что, повторив попытку несколько раз, Лора раздраженно бросила телефон в сумку. Интересно, это была Вивиан? Она не хотела разговаривать с сестрой? Но почему?

– На обратном пути съездим повидать деда, – сказала тогда Лора. – Он недалеко, в соседнем городке живет.

– Он не приедет на похороны? – Грейс было совершенно наплевать, будет ли на похоронах бабушки еще один старикашка. Она не помнила, чтобы когда-нибудь видела его. Мама уехала из своего городка, как только закончила школу, а после рождения Грейс не навещала родные края.

– Он болеет, а мы не успеем за ним заехать. Так что навестим после похорон.

Но они таки и не заехали к деду: Лора была чем-то сильно обеспокоена и совсем забыла об этом. Может, тревога была связана с Вивиан, которой мама так и не сумела дозвониться?

– Можешь поехать со мной, если хочешь, – сказала тетка.

– Да, – ответила Грейс, пожалуй, слишком быстро.

Вивиан только плечами пожала:

– Хорошо.

Она развернулась и вышла из столовой, давая понять, что разговор окончен.

Грейс ужинала в одиночестве, но была даже рада этому. В голове крутились непрощенные мысли. Очевидно, мама с Вивиан недолюбливали друг друга. Достаточно сильно, чтобы никогда не приезжать в гости, не отправлять открытки по праздникам и даже не слать друг другу SMS.

Кому звонила мама из машины? Хотела ли она увидеться с сестрой? И почему так нервничала, когда они ехали обратно?

Лора умела держать себя в руках. Саму себя она называла «гуру самоконтроля». Говорила, что занимается йогой и медитирует, чтобы сделать разум своим другом, а не врагом. Конечно, похороны матери кого угодно выбьют из колеи...

«Может, ты сама это скоро узнаешь», – шепнул внутренний голос.

В спальне Грейс вытащила постельное белье из пакета и застелила кровать, достав из шкафа толстое пуховое одеяло. Когда выключила свет, то заметила подсветку снизу. Грейс подошла к балконной двери, но не стала ее открывать, чтобы не привлекать к себе внимание.

Снаружи в круглой деревянной ванне, которую Грейс сначала приняла за большую бочку, вода светилась голубым и с ровным гудением ходила шумными волнами. Вивиан лежала в ней, раскинув руки по бортикам и откинув голову назад. Пенная вода закрывала ей грудь, так что невозможно было разглядеть, голая она или в купальнике. Глаза закрыты, волосы распущены – оказывается, они у нее довольно длинные и волнистые. На лбу и щеках блестит испарина, значит, вода горячая. Судя по тому, что вокруг тонким слоем лежал снег, а от воды валил плотный белый пар, разница температур была существенной. Рядом с ванной на стульчике лежало сложенное вчетверо махровое полотенце.

Может быть, для Вивиан это был ежевечерний ритуал, от которого она не собиралась отказываться. Женщина открыла глаза и повернула голову в сторону Грейс. Та инстинктивно сделала несколько шагов назад от окна. Она не могла с такого расстояния разглядеть безжизненный теткин глаз, но была готова поклясться, что видела, как клубится в нем белое облако.

Забравшись под одеяло, Грейс укрылась с головой. Теперь она слышала только собственное дыхание, а перед глазами мелькали пляшущие червячки.

«Я не усну сегодня», – подумала она и постаралась сконцентрироваться на дыхании. Жаркий воздух проникал ей в нос, проходил по горлу, приподнимал грудную клетку, раздувая легкие, а потом возвращался прочь так же, как пришел.

Грейс умела медитировать. Ее учила Лора, которая говорила, что медитация всегда к месту, кроме тех случаев, когда за тобой бежит медведь. Но медведей тут, кажется, не водилось.

Глава IV

Грейс открыла глаза и на мгновение позволила себе поверить, что мать никуда не исчезла, а она сама – дома. Вот сейчас она встанет, сделает тосты с маслом и джемом – маслом надо мазать сразу, пока не остыли, – и пойдет искать маму, которая, скорее всего, медитирует на балконе. Обычно люди предпочитают делать это посреди лужайки или на заднем дворе. Но у Лоры и Грейс не было своего дома. Они жили в съемной квартире на седьмом этаже, откуда хорошо просматривался город. Мама говорила, что шум машин за окном помогает ей сосредоточиться.

В книгах, когда с персонажами происходит что-то плохое, на следующий день после пробуждения им кажется, что все по-прежнему хорошо. Но в жизни, поняла Грейс, это не работает. У тебя нет этих нескольких минут спокойствия с утра – если случилась беда, ты вспомнишь о ней сразу. Ты помнишь о ней даже ночью, она преследует тебя во сне, потому что мозг безуспешно пытается найти выход.

Грейс открыла глаза. Комнату заливал серый мутный свет, подсказывающий, что погода за окном пасмурная и снежная. Судя по тому, что она прочла в Интернете о Фьельби, снег здесь шел часто.

Грейс села, неохотно выбираясь из-под теплого одеяла. Снаружи было холодно, от окон тянуло сквозняком. Но она чувствовала себя отдохнувшей, будто всю ночь проспала заколдованным сном. Приятный контраст по сравнению с последними месяцами, когда, сколько бы Грейс ни спала, все равно утром чувствовала себя разбитой. Она сняла телефон с подзарядки. Час дня! Почему ее никто не разбудил?

Впрочем, Вивиан не обязана следить за тем, когда племянница встает. Наверняка она заглянула, увидела, что Грейс спит, и уехала. По крайней мере, можно будет спокойно посидеть за ноутбуком...

Черт! Грейс вспомнила, что так и не взяла пароль от вай-фая. Она приняла душ, натянула джинсы и толстовку с капюшоном и почти почувствовала себя нормально. Не отлично, но «нормально» тоже сойдет. Жить можно, решила про себя Грейс, спускаясь на первый этаж.

Вивиан в том же белом купальном халате, что и вчера, наливала себе свежесваренный кофе. На завтрак не было и намека, зато аромат кофейных зерен разлетался по всей кухне.

– О, доброе утро, – растерялась Грейс, – я думала, вы уже уехали.

Вивиан обернулась. При солнечном свете ее левый глаз не выглядел ни пугающим, ни отталкивающим. Просто роговица, спрятанная за бельмом. Грейс было интересно узнать, видит ли тетка им хоть что-нибудь, но спросить она не решилась.

С распущенными волосами, тяжелыми волнами спадавшими на плечи и спину, Вивиан казалась моложе и даже добрее.

– Я поздно встаю, – ответила она, давая Грейс место возле кофеварки.

– Всегда? – поразилась Грейс, готовя себе кофе. Она знала, что взрослые обычно ходят на работу и поднимаются ни свет ни заря. Лора тоже любила вставать рано – не потому что куда-то спешила, ей просто нравилось встречать утро.

– Нет. Сегодня я встала рано. Можешь пока позавтракать, я пойду переоденусь.

Неужели Вивиан вправду была в приподнятом настроении? Грейс услышала, как отодвигается дверь гардеробной и тетка насвистывает какой-то мотив. Она сделала себе на завтрак пару блинчиков, из тех, что вчера привезла Вивиан из супермаркета, залила их сиропом так, что сладости было больше, чем мякоти, и проглотила, почти не чувствуя вкуса. А вот кофе она выпила с удовольствием. Что бы ни случилось, долгий сон, душ и сладкая еда приведут тебя в чувство.

Грейс успела поставить тарелку в посудомойку, когда вернулась Вивиан. На этот раз на ней была синяя юбка-колокол до колен, свободная рубашка и шейный платок. Сверху она набросила кремовое пальто, слишком легкое для такой погоды, но они ведь поедут на машине. На этот раз очки были другой формы: большие, как стрекозиные глаза. Интересно, Вивиан знает, что так лишь сильнее привлекает внимание?

– Ваш отец очень болеет? – спросила Грейс, когда уже сидела в машине.

Вивиан мягко вывела автомобиль на дорогу. Музыка она, похоже, не собиралась включать.

– У него болезнь Альцгеймера.

– Мне очень жаль, – сказала Грейс, потому что так полагалось говорить.

– Правда?

– Что?

Вивиан не смотрела на нее, только в зеркало бокового вида или вперед.

– Тебе правда жаль, что старик, которого ты в глаза не видела, теряет память? Или ты просто хотела что-нибудь сказать?

Грейс растерялась.

– На самом деле мне все равно, – наконец честно ответила она. – Я просто хочу вам понравиться, чтобы мы лучше уживались.

Вивиан, кажется, этот ответ удовлетворил. Она даже чуть заметно улыбнулась и кивнула.

– Мама ничего не рассказывала мне про деда, – заметила Грейс, когда они выехали на шоссе.

Это была чистая правда. Лора ни разу не пыталась связаться с отцом или навестить его. Говорила лишь, что родители разъехались, когда она была еще ребенком. Но официального развода не было, потому что дед с бабкой были католиками.

– Она с ним не жила, – подтвердила Вивиан. – Осталась с матерью, а меня отец забрал с собой.

Это было странно. Чаще дети остаются с одним из родителей. Зачем понадобилось их разлучать?

– Ну, хоть в гости-то вы ходили?

– К кому – к матери? О нет!

Что пряталось за этим «о нет», Грейс так и не выяснила. Они как раз въехали в город, где движение было сложным и медлительным из-за пешеходных переходов и знаков. Наконец показалось высокое старое здание с вывеской «Больница Св. Луки». Пока Вивиан парковалась, Грейс заметила:

– Я думала, старики обычно живут в домах престарелых.

– Если бы у него был только Альцгеймер, так бы оно и было, – сказала Вивиан, выходя из машины. – Но отец перенес два инсульта и должен все время находиться под наблюдением врачей. Можешь посидеть в машине, если хочешь.

– Нет-нет, я пойду! Мама хотела заехать к бабушке после похорон, но забыла.

Вивиан усмехнулась, но никак это не прокомментировала, за что Грейс была ей благодарна.

На крыльце курили несколько молодых медиков в халатах. Курили и смеялись, стряхивая пепел в высокую черную урну. А стоило открыть дверь, как Грейс почувствовала, что тонет в едком медицинском запахе. Обычно людям он неприятен, но Грейс просто обожала, как пахнет стоматологический кабинет, а заходя в аптеку, всегда глубоко втягивала носом воздух.

Лора шутила, что после школы Грейс стоило бы стать врачом. Но обе знали, что это шутка: денег на учебу у них бы все равно не хватило, а кредит Грейс, скорее всего, не дадут.

В больнице было прохладно и чисто. Выложенный зелено-желтой плиткой пол и высокие потолки создавали ощущение простора. Грейс и Вивиан поднялись по лестнице на второй этаж и зашагали вдоль палат, пока Вивиан не остановилась у нужной двери.

Она вошла тихо, не стучась. Грейс шагнула следом и прикрыла за собой дверь. Палата была одноместной и очень светлой. Может, такое впечатление складывалось из-за сочетания белого и голубого – цветов, которых всегда много в больницах. На узкой кровати лежал старик, а под одеяло к нему заползали провода и трубки от капельниц. Раньше Грейс думала, что, если в трубку попадет воздух, пациент тут же скончается, но потом вычитала, что этот излюбленный прием в детективах – всего лишь выдумка. Оказывается, для смертельного исхода нужно много воздуха, а мелкие пузырьки просто рассосутся в крови.

Дед казался гораздо старше бабушки, хотя Грейс не смогла бы определить его возраст. Все старики похожи друг на друга: лица с пигментными пятнами, редкие волосы, которые, независимо от цвета, всегда выглядят невымытыми, и слишком много кожи, как будто им выдали ее на размер больше положенного.

На тумбочке рядом с кроватью ничего не было. Непонятно, то ли Вивиан редко навещала отца, то ли просто не приносила ничего сентиментального. Старик лежал так пугающе неподвижно, что на секунду Грейс показалось, что он умер. Но когда Вивиан позвала: «Папа?», старик открыл глаза и принялся обшаривать взглядом комнату. Глаза у него были мутными и выцветшими, как старое белье.

– Лора? – спросил он дребезжащим неуверенным голосом. – Лора, девочка, не шуми так сильно, ты разбудишь Виви. Ты же не хочешь будить Виви? Она будет плакать.

Грейс почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Бессмысленный человек, застрявший во времени. Кем он сейчас был? Молодым отцом, который пытается убедить старшую дочь не шуметь, чтобы не потревожить младшую? Он наверняка не в курсе, что его дочь давно выросла, родила собственного ребенка и пропала из летящего самолета. Да что там! Вряд ли он осознает, что его бывшая жена умерла.

Вивиан обогнула кровать, приподняла подушки и помогла отцу сесть. Затем подвинула стул и села сама, расправив складки юбки.

– Папа, привет. Это Вивиан, не Лора. Помнишь меня?

– Вивиан. – Старик нахмурился, отчего кожа скукожилась и пошла складками. – Я говорил Марджи, чтобы перестала тебя колотить.

Грейс подняла брови, но Вивиан сидела совершенно прямо, лицо оставалось спокойным.

– Я ей говорил, что ты не специально взяла те конфеты. Но она меня никогда не слушала. Виви, мы с тобой уедем, когда захочешь, ладно?

– Ладно, – эхом отозвалась Вивиан.

– А ты, – неожиданно обратился он к Грейс, – не обижай сестру. Вы же родные, у вас никого нет, кроме друг друга.

Грейс окаменела на секунду. Это было жутко. Секунду назад ей казалось, что дед даже не замечает ее присутствия, и вдруг он обратился к ней.

Но почему он постоянно повторяет, чтобы Лора не обижала сестру? Лора и мухи никогда не обидела бы! В прямом смысле слова – она даже убирала с дороги дождевых червяков, чтобы тех не раздавили.

– Я не буду, – растерянно пробормотала Грейс.

– А ты, Виви, не ври мне, – строго сказал дед, и на секунду, которой хватило для этой фразы, его голос окреп и выровнялся. – Ты же знаешь, что можешь сказать мне все, главное – не врать. – Он вздохнул и тяжело откинулся на подушку. – Я бы тому мальчишке ноги вырвал, точно говорю!

Он устал: это было видно по тому, как вяло опускались веки, слишком тяжелые, чтобы удержать глаза раскрытыми. Вивиан вернула подушку в горизонтальное положение и помогла отцу лечь.

– Я приду завтра, – пообещала она.

Грейс думала, что Вивиан поцелует старика, но она лишь слегка качнула головой в сторону двери, показывая, что визит окончен.

Затем тетка зашла к лечащему врачу и оставалась там довольно долго. Грейс в ожидании шаталась по холлу, крутя в руках телефон.

Пришло сообщение через мессенджер: «Привет. Хочешь встретиться?» Грейс удалила его, не заглядывая в профиль. Столько народу добавилось к ней в друзья после того, как мама пропала! Поначалу она читала сообщения, спрашивала, благодарила за сочувствие, все надеялась, что кто-то сможет помочь с поисками. Но время шло, а сообщения становились все бесполезнее и бредовее. Писали, что маму видели где-то в Рио с красавцем-мулатом, что ее украла мафия, потому что в юности она была связана с наркокартелем... Непонятно, то ли психически больные люди, то ли это просто казалось кому-то прикольным.

Мисс Соул запретила ей общаться через социальные сети, пока психолог не посчитает, что уже можно. Грейс запрет, конечно, игнорировала, но в друзья уже больше никого не добавляла.

Тем временем вернулась Вивиан.

– Что говорят врачи? – вежливо уточнила Грейс.

– Что отцу осталось недолго, – сухо ответила Вивиан, набрасывая на плечи пальто. – Это, впрочем, я вижу и без них.

– Он знает, что бабушка умерла?

– Иногда знает, иногда нет, – пожалала плечами Вивиан. – Его мозг как яйцо пашот.

Грейс сглотнула:

– А о том, что мама пропала?

Вивиан расплатилась за парковку и вывела машину из больничных ворот. Повалил мокрый снег, который едва успевали разметать «дворники» на лобовом стекле.

– Нет, – ответила она наконец. – Я не говорила.

Грейс подумала, что она на месте Вивиан тоже не сказала бы. Вдруг эта новость убьет старика?

– Вивиан! – осторожно окликнула она. – А бабушка правда... била вас в детстве?

Тетка резко вдохнула и медленно выдохнула. Когда она заговорила, голос звучал жестко и недружелюбно:

– Моя семейная история – совершенно не твоё дело. Надеюсь, это понятно. Мы с твоей мамой не были подругами, если хочешь знать.

– Вы мне, конечно, не расскажете, что поссорило вас с мамой? – вопрос был неудобным, но Грейс должна была его задать. Она не могла представить себе, как кто-то мог настолько не любить Лору, чтобы даже не взять трубку, когда та звонит. Или чтобы за много лет не поинтересоваться, как сестра живет, как растит дочь, нашла ли работу и не нужна ли помощь.

Сама Лора никогда никому не отказывала в помощи. Поэтому у них то и дело ночевали ее подруги, или мама срывалась и ехала неизвестно куда ночью, чтобы кого-нибудь спасти. Еще она подбирала и раздавала в добрые руки бездомных кошек, а несколько лет назад приютила голубя, не умевшего летать.

Так почему, черт побери, родная сестра ее терпеть не могла?

– Я не сказала, что мы ссорились, – поправила Вивиан.

– Вы сказали, что не были подругами.

– Это не одно и то же.

По тону Грейс поняла, что больше не вытянет из тетки ни слова.

– Хочешь перекусить? – вдруг спросила Вивиан.

Когда они остановились у ближайшего кафе, мокрый снег облепил все доступные поверхности. Он яростно валил с неба, залеплял глаза и рот, будто холодной ватой. Вивиан вручила Грейс деньги и зонт, чтобы та добежала до двери. У них дома, вообще-то, оставалась куча еды, но Грейс обрадовалась возможности выбраться из машины.

Кафе было почти пустым, только какой-то парень сидел за угловым столиком. Над его чашкой возвышалась белая гора взбитых сливок. Грейс попросила несколько горячих сэндвичей, предупредив, чтобы один был вегетарианский, а еще колу для себя и кофе для Вивиан. Плюхнувшись обратно на переднее сиденье, она развернула пакет с ланчем:

– Тунец или овощи?

– Все равно, – ответила Вивиан, протягивая руку. Грейс, которая на такой ответ и рассчитывала, отдала тетке тунца, предварительно развернув упаковку.

Снежинки, врезавшиеся в лобовое стекло, растекались по нему мутными паутинками. Вивиан молча ела свой сэндвич, откусывая его большими кусками и почти не жуя.

– Вы можете снять очки, – сказала Грейс, запивая свой сэндвич колой. Лора была бы возмущена, что Грейс пьет такую гадость. Но Лоры тут нет, сказала себе Грейс и заставила эту мысль прозвучать громко. Просто чтобы привыкнуть. – Вам же темно. Снимите их.

Вивиан молчала несколько секунд, потом взяла очки за дужку и сняла их, встряхнув волосами. Интересно, ей с таким дефектом вообще можно водить машину? Но спросить Грейс все равно не решилась – это уж точно не расположит к ней тетку.

Когда они вернулись домой, метель уже улеглась. Мокрый снег хрустел и проваливался под ногами. Дома Вивиан снова налила себе кофе и даже сделала сэндвич. Грейс в глубине души обиделась: ага, значит, это она есть может, а от вегетарианского карри отказалась!

– Как пропала Лора? – вдруг спросила Вивиан. Грейс сделала большой глоток колы и посмотрела в окно. Она была у тетки почти сутки, но та лишь сейчас спросила о чем-то действительно важном.

– Вы что, не читали новости?

– Читала. Женщина исчезла при невыясненных обстоятельствах. Села в самолет на Гоа, но в пункте назначения так и не появилась.

– А откуда вы узнали, что именно ваша сестра пропала? – уточнила Грейс.

– Мне звонили из полиции, – неохотно призналась Вивиан.

– Хотели узнать, как давно вы с ней виделись?

– И это тоже.

– Сколько же лет вы с мамой не встречались?

– Достаточно, чтобы я понятия не имела, как она сейчас выглядит. Лет двадцать. В последний раз мы встречались еще до твоего рождения.

Значит, на это время у нее точно было алиби, подумала Грейс. Интересно, что может заставить родственников не видеться десятилетиями? Не будь это мама, Грейс решила бы, что дело в мужчине. Но для Лоры, у которой даже постоянного партнера никогда не было, это было бы слишком мелочно.

– Похороны ее сильно подкосили, – неожиданно для себя сказала Грейс. Странно было делиться такими вещами с Вивиан, но ей нужно было кому-нибудь рассказать. – Мама была очень привязана к бабушке. Я-то сама ее почти не помню. Меня привозили туда только раз или два...

– Почему?

Грейс вздрогнула. Ей казалось, что Вивиан ее совсем не слушает.

– Я не нравилась бабушке.

Вслух об этом никогда не говорилось, но Грейс знала. Бабушка улыбалась ей, только если Лора смотрела. Все остальное время она будто и не замечала девочку. А детям не слишком нравятся старики, так что отсутствие симпатии было взаимным.

Вивиан взглянула на Грейс с легкой усмешкой:

– А Лора знала, что бабушка тебя не переваривает?

– Не знаю. Наверное, да, раз мы так редко к ней ездили. Но маму ее смерть сильно задела. Она была сама не своя на похоронах.

– Знаешь, если бы я собиралась на Гоа, а моя мать умерла, испортив мне весь отдых, я бы тоже расстроилась.

– Нет, мама решила полететь туда уже после похорон.

Грейс рассказывала эту историю уже тысячу раз и готова была повторить еще столько же, если бы это могло чем-то помочь. Ей все время казалось, что она что-то упускает. Что-то, что расстроило Лору на похоронах, помимо бабушкиного тела в гробу, что-то важное...

– Мама сказала, что хочет отдохнуть.

– И не взяла тебя?

– Я не возражала. – Это прозвучало обиженно. Грейс не хотела, чтобы Вивиан подумала, будто Лора была плохой матерью. – Вдобавок она улетела всего на неделю. У мамы на Гоа есть друзья, так что я даже не волновалась. Мы созванивались и переписывались каждый день.

Грейс помолчала, ожидая, когда Вивиан, как и следователи, спросит, не было ли чего-то странного в этих звонках. Но тетка ни слова не сказала.

– Мама позвонила мне перед вылетом, – продолжила Грейс. – Сказала, что все в порядке, но сиденье неудобное. Все было нормально!

Грейс поняла, что почти выкрикнула последние слова, и заставила себя успокоиться.

В тот раз она поначалу не волновалась. Прибралась в доме, приготовила ужин. После приземления Лора не позвонила, ее сотовый был выключен, но в этом не было ничего особенного: мало ли, разрядился по дороге. Но мать не появилась дома ни поздним вечером, ни ночью.

Грейс несколько раз звонила в аэропорт, но каждый раз ей отвечали одно и то же – самолет приземлился вовремя, без задержек. Только спустя пару часов раздался звонок с маминого номера.

Это было самое тягостное, самое мутное воспоминание. Когда Грейс схватила трубку, прокричав: «Ну и где ты?!», ответил незнакомый женский голос: «Добрый вечер, я звоню из аэропорта. Этот номер указан у абонента как номер экстренного вызова. Он вам знаком?» – «Это моя мама», – прошептала Грейс, чувствуя, как голос подводит ее. «Я звоню сообщить, что ваша мама забыла телефон и ручную кладь в самолете. Также, насколько нам известно, она не забрала свой багаж...»

– Это было на нее похоже?

Грейс вздрогнула. Она и не заметила, что все это время говорила вслух.

– Нет. Конечно, нет! Мама была рассеянной, а не сумасшедшей. Вдобавок в полиции сказали, что камеры не засекли, как она выходила из самолета, и на паспортном контроле она не появлялась. Она просто...

Грейс замялась.

– Исчезла, – подсказала Вивиан.

– Да. Но человек ведь не может раствориться в воздухе, находясь в десяти тысячах метров над землей!

Вивиан промолчала. Если ей и было неловко от присутствия племянницы, сейчас она этого не показывала.

– В Интернете почти ничего не пишут о взрослых, пропавших без вести, – сказала Грейс. – Куча информации о детях и подростках и очень мало – о тех, кто старше двадцати.

Говорят, у таких пропавших низкий приоритет. Сначала занимаются убийствами, ограблениями и всем прочим.

– Когда ее объявят мертвой? Если тело не найдут? – спросила вдруг тетка.

Вопрос мог бы показаться слишком прямолинейным, но Грейс была благодарна за него.

Иногда нужно поговорить с человеком, который не боится спрашивать.

– Через семь лет, – ответила она.

Глава V

Жить у Вивиан оказалось удобно. Тетка не пыталась воспитывать Грейс, не навязывала ей свои порядки и в целом позволяла делать все, что душе угодно. Ей было совершенно плевать, что племянница ест, когда она ложится спать или встает. Пожелай Грейс целыми днями питаться одной картошкой фри и гамбургерами, у Вивиан не было бы никаких возражений.

Сама Вивиан поглощала кофе в невероятных количествах, но Грейс ни разу не видела, чтобы опекунша съела что-нибудь нормальное. В смысле, временами она позволяла себе нездоровые перекусы вроде чипсов или сэндвичей, но, похоже, только когда голод ее окончательно доставал. Грейс никогда не слышала о такой странной диете.

Вивиан просыпалась ближе к обеду, потом иногда ездил к отцу, но чаще запиралась в своей мастерской до позднего вечера. Выяснить, кем все-таки работает ее опекунша, Грейс рискнула только через несколько дней. Что это должна быть за работа, которая заставляет каждый раз проверять сигнализацию?

Вивиан посмотрела на племянницу озадаченно, будто рассчитывала, что та сама догадается.

– Я ювелир, – сказала она. Грейс надеялась, что тетка предложит посмотреть мастерскую или свои работы, но Вивиан продолжала листать новости в смартфоне.

– А можно взглянуть на твои украшения? – осторожно уточнила Грейс.

Вивиан подняла на нее удивленный взгляд. На несколько секунд воцарилась неловкая пауза. Потом Вивиан коротко ответила «нет» и снова уставилась на экран.

Профессия Вивиан объясняла многое. Например, постоянные звонки от курьерских служб и частые отлучки из дома. Грейс так и не попала в «святая святых», зато нашла теткин интернет-магазин. Лаконичный сайт с иллюстрированным каталогом обещал уникальные изделия на заказ. Фото завораживали. На черном бархате блестели кольца из белого золота, колье, броши и серьги, инкрустированные эфиопскими опалами, сапфирами, бриллиантами и хризолитами. И ни слова о цене. Наверное, она была немалой, раз Вивиан смогла позволить себе такой дом.

Впрочем, нельзя было сказать, что Вивиан совсем сняла с себя опекунские обязанности. Как-то за завтраком она впервые за неделю заговорила о школе:

– Я отвезла в школу твои документы и предупредила, что ты вернешься к занятиям после Рождества.

Грейс пожала плечами. Не то чтобы она совсем не думала о школе, просто сейчас эти мысли казались неважными. Какая теперь разница, как она окончит школу и что будет делать дальше? Больше не было человека, готового поддерживать ее во всех начинаниях. Кроме, может, ее парня Криса, но и он сейчас находился в тысяче миль отсюда. А интерес людей, как показывает практика, ослабевает с увеличением расстояния между ними. Это нормально. Не думала же она, что он будет звонить ей каждый день. Или думала? Грейс тряхнула головой и машинально потерла пальцами кончики волос.

– А как я туда буду ездить?

– Что? – Вивиан даже растерялась. Она явно об этом не думала.

– Пешком очень долго, – пояснила Грейс. – Может, вы могли бы отвезить меня на машине?

– В восемь утра? – возмутилась Вивиан, словно Грейс предложила купить наркотики. – Да ты с ума сошла!

– Тогда, может, велосипед?

Вивиан задумалась, потом кивнула:

– Да, велосипед подойдет.

Грейс засмеялась, и звук собственного смеха показался ей чужим и незнакомым:

– Ничего страшного, я люблю велосипеды.

Это было правдой. Дома у нее был отличный трекинговый велик – идеальный для походов. Они с мамой выбирали его полгода, а когда выяснилось, что в их городе такой не купить, пришлось заказывать авиапочтой.

Лора в тот день запрыгнула в ее комнату, держа извещение о доставке над головой. Они скакали друг вокруг друга, как безумные, и визжали, будто выиграла в лотерею. Лора размахивала бумажкой, как флагом, и хохотала от радости за Грейс. Боже, какой же это был счастливый день! Даже счастливее, чем тот, когда Грейс наконец увидела свой подарок.

– Подыщем тебе что-нибудь, – пообещала тетка. – Теперь о важном: какие у тебя планы на будущее?

Настала очередь Грейс удивляться:

– В каком смысле? После Рождества?

– После школы, – раздраженно поморщилась Вивиан. – Вы же с матерью планировали твое дальнейшее обучение? Выбрали колледж?

Честно говоря, ничего они не планировали. Иногда они даже не успевали вовремя заплатить за аренду, и Лоре приходилось занимать деньги, а Грейс – подрабатывать в магазинчике на автозаправке, где она продавала энергетики и шоколадные батончики. Временами они с Лорой представляли, куда потратили бы деньги, если бы выиграла в лотерею миллион долларов. Обычно фантазии вращались вокруг спасения редких животных, изучения китов или постройки дирижабля. Грейс хотела бы стать врачом, но знала, что не сможет поступить в университет, тем более на медицинский факультет: у Лоры не хватит денег на ее обучение, а студенческий кредит еще сильнее ударит по их финансам.

– Мы собирались улететь на Гоа, – призналась Грейс.

Брови Вивиан поползли вверх, выжженный до бельма глаз, казалось, побелел еще больше. Ей не надо было произносить ни слова, все ясно читалось на лице.

– В Индии можно снять студию дешево, – пояснила Грейс.

– И где бы ты там училась? – недоверчиво нахмурилась Вивиан.

– Нигде, – пожалала плечами Грейс. – Я бы работала, помогала маме с йогой или занялась бы целенаправленно тайским массажем.

– Блестящие перспективы, – бросила тетка и поджала губы. Она даже не пыталась скрыть своего презрения.

Грейс разозлилась:

– Знаете что? Жили, как умели! И неплохо, между прочим!

Вивиан невозмутимо встала и поставила чашку в раковину. Посудомоечной машины на кухне не было: какой смысл ее устанавливать, если питаешься одним кофе?

– Отлично, я за вас очень рада, – произнесла она. – Но сейчас ты живешь со мной. Счета твоей матери я уже оплатила. К счастью, у нее почти не было долгов, кроме аренды за квартиру. Так что поищи в Интернете, куда бы ты хотела поступить. Готовиться, если что, нужно уже сейчас.

В первую секунду Грейс остолбенела. Нет, она не считала, что жизнь на Гоа в постоянном ожидании туристов – верх мечты. Не хотелось и торговать батончиками на автозаправках или в придорожных магазинчиках, где заодно продаются магниты и талисманы от дурного глаза. Временами Грейс представляла себя взрослой и успешной, в белом халате или светло-зеленой униформе врача. Один раз она даже взглянула, сколько это будет стоить. От цифры зарябило в глазах – с тем же успехом Грейс могла проверить, во сколько ей обойдется самолет. А теперь кто-то говорил вот так просто: выбирай, что хочешь.

– Я думала о том, чтобы стать врачом, но это очень дорого.

Вивиан подняла одну бровь и усмехнулась уголком рта.

– Да, – согласилась она так же просто, как когда-то ответила «нет» на просьбу показать свои работы, – но я богата и могу себе это позволить.

Мгновение, и Грейс почувствовала невероятный подъем и облегчение. Только что ее мечты, на которые когда-то не хватало денег, и все недоступные планы вдруг выплыли из тумана невозможности. Будущее прояснилось. Она действительно могла пойти учиться в университет, получить диплом!. Всего месяц назад об этом бессмысленно было даже думать... «Если бы мама была рядом, этих возможностей у меня бы так и не появилось», – поняла Грейс, и чувство жгучего стыда затопило ее до самой макушки.

Несколько дней спустя Вивиан засобиралась в Ландсби – соседний городок по другую сторону горы, всего в получасе езды на машине. Нужно было решить какие-то дела с домом бабушки, и, когда тетка предложила отправиться с ней, Грейс обрадовалась: наконец-то повод куда-то выбраться.

На улице было ветрено, но уже не так снежно, как пару дней назад. Печка в машине быстро нагрела воздух, и ехать стало гораздо комфортнее. Грейс уже успела задремать, когда дорога внезапно раздвоилась, предлагая на выбор соблазнительно пустой путь влево и длинную очередь из автомобилей, ведущую в тоннель вправо. Вивиан мягко свернула на пустую трассу. Видимо, поняла Грейс, объездная дорога.

– На сколько окружной путь длиннее? – решила она проверить свою догадку.

– Минут на сорок, – ответила Вивиан, и Грейс присвистнула. С другой стороны, не исключено, что те же сорок минут остальные водители проведут в пробке. Уж лучше ехать, чем двигаться рывками.

– Вы всегда ездите так? – спросила она.

Вивиан кивнула, но развивать мысль не стала. Ну хорошо, ездит так ездит, у каждого свои привычки.

Ландсби был братом-близнецом Фьельби – те же тихие улочки, семейные магазинчики и ощущение, что время здесь остановилось. Правда, в Ландсби было немного теплее – гора прикрывала городок от северного ветра. Дом бабушки был одним из длинной цепочки строений, отличавшихся друг от друга разве что цветом крыши. Занавески были задернуты, дом выглядел брошенным и пустым.

– А кто сейчас владеет домом? – спросила Грейс, выходя из машины. Вивиан снова надела очки, и ее лицо потеряло всякое выражение, будто кто-то выключил свет.

– Сложный вопрос, – она пожала плечами, поднимаясь по ступенькам. – Старая стерва оставила его Лоре, но твоя мать не успела вступить в наследство.

«Старая стерва» – даже так? Впервые Вивиан отозвалась о матери с такой прямолинейной неприязнью.

– Полагаю, сейчас он формально принадлежит наследнику первой очереди – моему отцу, – продолжала тетка. – Они ведь так и не развелись официально. Но папа, как ты видела, не в себе, так что вопрос остается открытым. Скорее всего, дом перейдет ко мне.

Не то чтобы Грейс когда-нибудь задумывалась о собственном жилье, но такая имущественная несправедливость ее задела. У Вивиан было все, что она могла пожелать: собственный дом, машина, работа, которая ей, очевидно, нравилась, а теперь у нее будет еще один дом! Хотя владеть им должна была Лора. Может быть, они бы остались жить здесь, сделали ремонт своими силами, а мама смогла бы открыть студию йоги в Ландсби. Умом Грейс понимала, что Вивиан не сделала ничего, чтобы получить этот дом задарма, и эта мысль должна была примирить ее с теткой, но злила только больше.

Грейс поднялась вслед за Вивиан по ступенькам, покрытым хрусткой, словно сахарной, корочкой льда. Когда она была здесь в последний раз с мамой, прохожие останавливались и оглядывались на катафалк с гробом. Чужие похороны всегда привлекают внимание: от них веет тем же торжеством, что от свадеб, только с противоположным знаком. Если вдуматься,

все то же самое: цветы, люди в одежде одинакового цвета, шляпки, священник, угощения и слезы в платочек.

– Зачем мы приехали?

– Забрать кое-какие документы, увезти драгоценности, если они там остались, надеть чехлы на мебель и снять шторы. А еще поставить сигнализацию, – уверенно перечислила Вивиан, доставая из кармана ключи.

– Вы список составили?

– Да. Не хочу провести в этом доме ни одной лишней минуты.

Вивиан приподняла дверь и подтолкнула ее плечом. Движения были привычными, как если бы она сотню раз делала это в детстве. Не важно, что она здесь давно не жила, – дом по-прежнему оставался в ней.

Грейс осторожно вошла в прихожую.

– Надеюсь, дух Дамблдора на нас не выскочит, – попыталась пошутить она.

Вивиан не ответила. Грейс чувствовала, как тетка вся подобралась, словно новое животное в зоопарке, когда рядом появляются люди.

В доме было темно и почти так же холодно, как на улице. Повсюду лежала пыль. Удивительно, как быстро она скапливается, даже если в помещении никого нет.

Узкий коридор вел в гостиную. Когда Грейс была здесь на похоронах, дом не показался ей большим, и только сейчас она обратила внимание, насколько гостиная просторнее всей их городской квартирки. То есть могла бы быть просторнее, не будь она вся заставлена мебелью, словно бабушка стремилась не оставить ни пяди свободного места, где мог бы отдохнуть взгляд, ни единой щели, куда могла просочиться фантазия. Длинный аляповатый диван, полки, заставленные безвкусыными и безликими статуэтками, ковер, от которого исходило ощущение удушья. Хозяйка дома не хотела сделать гостиную уютной – ни для себя, ни для гостей. Она просто хотела, чтобы все убралось отсюда как можно скорее. Заметно было, как Вивиан не хотелось сюда входить, словно каждый шаг, каждое прикосновение к стенам или мебели вызывали у нее отвращение.

– Вам нужна моя помощь?

Вивиан открыла бельевой шкаф и принялась перебирать простыни и полотенца.

– Нет. Если хочешь, можешь пойти наверх. Здесь можешь брать, что пожелаешь.

Грейс помнила, что мамина комната находилась на втором этаже – словно другой мир во вселенной уныния. Светлый, детский, чуть наивный.

Бывшая детская была залита светом. После того как Лора уехала, бабушка Марджори ничего не стала менять: на кровати по-прежнему лежало покрывало кремового цвета, а на столе были выставлены в ряд мягкие игрушки. Грейс и подумать не могла, что мама так любила игрушечных зверей. Рядом стояла доска для рисования, и даже мелки сохранились. Интересно, что на этой доске писала Лора? Рисовала? Разучивала буквы? Копировала школьное расписание?

Бабушка Марджори как будто делала вид, что Лора никуда не уезжала и вот-вот вернется из школы или с прогулки. Грейс передернуло. Жутковато.

Полки над столом были заставлены книгами. «Расколотые сны», «Бойцовский клуб», «Множественные умы Билли Миллигана». Все любимые мамины книги, которые она и взрослой часто перечитывала. Еще здесь было множество фотографий в рамках. На всех снимках только Лора и Марджори – вместе или по отдельности, – но ни следа Вивиан или дедушки. Как будто они вовсе не принадлежали этой семье.

На одном из фото была сама Марджори – совсем молодая, не старше двадцати. Мама говорила Грейс, что дедушка был намного старше бабушки. Даже странно, что та умерла первой. Грейс и раньше видела ее на фотографиях, но только сейчас обратила внимание, как Лора похожа на свою мать чертами лица. Как будто кто-то скопировал лицо Лоры, чуть сдавил по бокам, утяжелил веки, а потом еще приделал хрупкое, тонкокостное тело. В молодости Мар-

джори была красивой. Строгая, прямая, со светлыми локонами вокруг лица, она глядела перед собой высокомерно и раздраженно.

В этом доме время как будто остановилось. На мгновение Грейс даже позавидовала. Дом ее собственного детства, если так можно назвать съемную квартиру, больше не существовал. Когда Лора исчезла, хозяин квартиры попросил вывезти вещи. Грейс не дали этим заниматься самой – все хлопоты взяли на себя социальные службы. Вещи должны были прислать позже на адрес Вивиан, все, кроме ноутбука – он все еще был в полиции на экспертизе. А в квартире уже поселились другие люди, которые ничего не знали о предыдущих жильцах.

Грейс почувствовала, как перехватило горло, но заставила себя сглотнуть и отдышаться. Снизу доносились голоса – наверное, рабочие приехали устанавливать сигнализацию. Чтобы отвлечься, Грейс открыла один из шкафов. В нем тоже были игрушки – так много, что из-за них не видно было противоположной стенки. Впалку лежали куклы, плюшевые медведи и собачки, записные книжки с крошечными замочками. Грейс залезла глубже, натываясь на пластиковые носы и острые кончики усов. На глаза ей попались фрагменты железной дороги – несколько отрезков рельсов, которые нужно было крепить друг к другу, пока круг не замкнется. Значит, где-то должен быть и поезд. Грейс добралась до середины шкафа, но ни одного вагона так и не нашла.

Зато, к своему удивлению, обнаружила меч из цельного куска дерева. Он нелепо смотрелся на фоне девчоночьих побрякушек. Интересно, мама его где-то стащила и спрятала от бабушки на дно шкафа?

Грейс услышала, как Вивиан поднимается на второй этаж, и подавила в себе желание немедленно захлопнуть дверцу шкафа. Тетка же сама сказала: здесь можно делать что угодно.

Внезапно что-то выскользнуло из ее руки и тонким ручейком стекло вниз. Грейс машинально нагнулась. На полу лежала блестящая цепочка.

– Вивиан! – громко крикнула она. Обернувшись, Грейс увидела, что тетка уже стоит в дверях, удивленно глядя на племянницу.

Грейс подняла руку, показывая свою находку:

– Это мамина! Лора всегда носила ее, не снимая. Наверное, подарок от бабушки. Вот почему она так расстроилась после похорон – думала, что потеряла. А цепочка, оказывается, была в шкафу с игрушками!

Опекунша не проявила особого интереса. Она собиралась что-то сказать, но вдруг остановилась и нахмурилась, уставившись на находку.

– Где, ты сказала, ее нашла?

– Здесь...

Вивиан подошла так близко, что Грейс слышала холодный запах ее духов. Сняв темные очки, она пристально рассматривала цепочку, хотя, на взгляд Грейс, в той не было ничего особенного. Просто дешевое украшение, ценное лишь как память. Да и что тетка могла разглядеть, если прищурила единственный здоровый глаз?

– Наверное, она из какого-нибудь сплава, – предположила Грейс.

– Серебряная.

– Откуда вы знаете?

Вивиан молча подошла к грифельной доске, взяла с подставки мелок и несколько раз провела им по цепочке. На меле остался темный след.

– Видишь? Это, – она ткнула пальцем в цепочку, – серебро. А я ювелир.

– Вы раньше видели ее на маме?

Вивиан заглянула Грейс в глаза, и от этого взгляда у девочки мурашки пробежали вдоль позвоночника.

– Я последний раз видела Лору почти двадцать лет назад. Ты думаешь, я помню, какие побрякушки она носила?

Грейс почувствовала, как волна горячего липкого гнева поднялась от груди до корней волос. Зачем Вивиан каждый раз напоминать, как сильно она не любила Лору? Особенно сейчас, когда сестра пропала. Какой в этом, черт побери, смысл?

Грейс сжала кулаки на секунду, но тут же резко отпустила их, расслабив руки. Нельзя поддаваться злости. То есть можно, но не прямо сейчас.

– Как цепочка могла попасть в шкаф с детскими игрушками? – спросила она, чтобы сменить тему. – Звенья не порваны, замок цел...

Вивиан лишь пожала плечами, вернула находку племяннице и ушла, бросив напоследок: «Спускайся быстрее, нам пора ехать». Когда она вышла, Грейс надела цепочку на шею, с трудом застегнув ее сзади, и расправила волосы. Она не любила украшения, но, неожиданно для самой себя, обрадовалась, что нашла мамину потерю. Как если бы это был хороший знак.

Глава VI

Грейс хорошо помнила день похорон. Это было последнее значимое событие до исчезновения Лоры, так что Грейс прокручивала его в голове снова и снова, пытаясь найти хоть малейшую зацепку. Так в вязаной кофте ищешь краешек нитки, за который можно потянуть, чтобы вязанье распустилось.

Вот она сидит в маминой комнате у окна. Почему-то не хотелось ни до чего там дотрагиваться – стоило закрыть глаза, как Грейс мерещилась сухая старуха, которая, шоркая ногами, расхаживала по этому дому, кого-то звала, с кем-то разговаривала. Запертая в своем дряблом теле, одинокая и ослабевшая, бабушка Марджори сгорела от болезни за считанные месяцы.

Грейс не спрашивала, почему Лора не отправилась во Фьельби помогать матери, когда узнала, что у той рак. Не всегда человек может оставить работу и рвануть на другой конец страны. А если у тебя ребенок, ты тем более не имеешь права бросить все.

На первом этаже – там, где в гостиной стоял гроб, – воздух был наполнен сладким ароматом цветов и выпечки. Но Грейс не могла избавиться от ощущения, что там пахнет трупом. Она попыталась забраться как можно выше, только чтобы избавиться от этого запаха.

Жалела только, что чердак заперт, поэтому нельзя залезть на крышу.

Вошла мама, тихо прикрыв за собой дверь.

– Ты говорила, никто не придет, – обиженно заметила Грейс, разглядывая ряды фотографий на столе.

Лора вздохнула и опустилась рядом с Грейс на пол, сложив ноги по-турецки.

– Я правда так думала. Не потащила бы тебя в такую даль, если бы знала, что соберется столько народу.

Грейс ей верила. Если бы она сказала матери, что не хочет ехать на похороны, Лора бы ее поняла. Она всегда понимала такие вещи. Но Грейс знала, что, кроме нее, у мамы никого нет. Она думала, что все пройдет быстро: надо только приехать, дожидаться распорядителя похорон – мама договаривалась с ним по телефону, – вытерпеть получасовую церемонию на кладбище, внести остаток платы за гроб и все прочее, а там можно и в обратный путь.

Но, как оказалось, у бабушки было много друзей. Или много соседей, которые жаждали бесплатных закусок.

– Мы не можем их выгнать, да? – спросила Грейс жалобно.

Лора улыбнулась и покачала головой:

– Нет, не можем. Никого из них я не знаю, – вздохнула она, – а они говорят, что помнят меня, когда я еще под стол пешком ходила.

Грейс видела, что матери нелегко, но не знала, чем помочь. Лора была вся в черном: джинсы и свободная мужская рубашка с рукавами до локтей. Она так редко носила вещи темного цвета, что Грейс почти не узнавала ее. Мама любила свободную яркую одежду. Неделию назад Лора проиграла Грейс в споре и фигурно выбрила висок, так что волосы на одной стороне едва прикрывали ухо, а на другой красовалась фиолетовая шахматка, от которой Грейс была в восторге.

Но сейчас мама выглядела бледной и напряженной. Если она и плакала, то не при дочери.

Грейс посмотрела на фотографию бабушки в деревянной рамке.

– У тебя с ней были хорошие отношения? Я никогда не спрашивала.

Лора подумала несколько секунд, рассматривая снимок.

– Она очень меня любила. Мне кажется, иногда даже слишком... Надо же, никогда не думала, что она умрет первой. У них с папой была большая разница в возрасте. Думаю, мать за него вышла замуж лишь потому, что он был без ума от нее. Сама она его не любила и,

когда я появилась, – Лора сощурилась, как делает человек, который пытается разглядеть что-то вдалеке, – целиком ушла в заботу о ребенке. Я даже не помню, ругала ли она меня хоть раз.

– Ты так говоришь, как будто это плохо.

Лора нахмурилась:

– У безусловной любви всегда есть обратная сторона. Например, мама была очень против моего отъезда.

– Гиперопека?

– Да, и это тоже. Ей не хотелось оставаться одной, жить самой по себе, но она маскировала это под заботу. Мама никогда не призналась бы, что боялась не за меня...

– ...а за себя, – закончила Грейс.

Лора опустила взгляд, и по ее лицу пробежала тень.

– Но мне будет не хватать этой поддержки.

Грейс слегка пихнула ее плечом:

– Я тебя поддерживаю.

Лора выдохнула и, придвинувшись ближе к дочери, прижалась своим лбом к ее лбу. Ее глаза оказались совсем близко. Впервые Грейс заметила, что веки у Лоры припухли. Значит, все-таки плакала...

Но голос у мамы звучал бодро:

– А сейчас ты спустишься вниз к этим нахлебникам, чтобы поддержать меня еще раз? – спросила она. – Вот-вот придет священник, а я понятия не имею, о чем с ним говорить. Не спрашивать же, какая из шести даршан ему ближе или почему, на его взгляд, он все еще пребывает в мире сансары.

Грейс улыбнулась и кивнула. Больше всего ей хотелось остаться одной и листать ленту в «Фейсбуке», дожидаясь, пока все закончится и они смогут отправиться домой. Но вместо этого она сказала:

– Конечно. Сейчас приду.

На похороны собрались в основном женщины. Большинство старых, но были и мамино возраста, и даже младше – наверное, их дочери и внучки. Все в черном, они заполнили собой весь первый этаж. Многие принесли угощение, чем сильно облегчили маме жизнь – она никак не рассчитывала на такое количество народа и почти ничего не заказала.

Все старались прикоснуться к Лоре: тянулись к ней, обнимали, трогали волосы. Она не отстранялась. У нее никогда не было проблем с тактильным контактом, иначе преподаватель йоги из нее вышел бы никудышный.

Старуха в гробу ничем не напоминала красавицу с фотографии. Грейс никогда раньше не видала трупы. Только однажды ей на глаза попала дорожная авария, но тела там не было – только лужа бурой, растекшейся неровным пятном крови. Тут крови не было. Только очень старая женщина лежала в узком ящике.

Глядеть на нее было неуютно. Казалось, что кожа покойницы должна была сползти к вискам и собраться там складками, но вместо этого задеревенела. Руки были сложены на плоской груди. Маленькие кисти с синеватыми ногтями, как из детской страшилки. Грейс казалось, что старуха вот-вот всхрипнет и попытается повернуться, но упрется лицом в стенку.

Наполовину открытый гроб стоял на невысокой платформе, рядом высилась ваза с цветами. Венки и букеты продолжали прибывать вместе с людьми, так что Грейс отнесла часть в соседнюю комнату. Несколько женщин перешли на кухню, чтобы помочь маме с закусками. Кто-то разливал по бокалам вино. Лора не пила алкоголь, но не возражала, когда его пили другие. Немногочисленные мужчины стояли возле гроба с потерянными лицами, будто понятия не имели, кто эта женщина в ящике и зачем их сюда притащили. Видимо, чьи-то мужья, которые не сумели придумать отговорку. Грейс вполне разделяла их чувства.

Единственный молодой парень из всей компании держался в стороне. На вид это был ее ровесник, может быть, на год или два старше. Парень тоже был в черном: темные кожаные сапоги, узкие штаны и заправленная в них рубашка. Длинные волосы, такие светлые, что казались почти белыми, были заплетены в мелкие тонкие косички. Грейс подумала, что не видела никого с такой прической уже лет пять, афро вроде как вышло из моды вместе с дредами. Интересно, с кем он пришел?

Видимо, Грейс пялилась на незнакомца слишком долго, и он почувствовал ее взгляд. Парень глянул в ответ холодно и недружелюбно. Грейс отвернулась.

В дверь позвонили – должно быть, пришел священник. Гости потянулись в гостиную и расселись на стульях, что стояли полукругом перед гробом. Как будто бабка будет сейчас выступать, подумала Грейс и вдруг почувствовала, что кто-то трогает ее за локоть. Она повернулась и столкнулась лицом к лицу с... букетом размером с воздушный шар.

– Я прошу прощения, прекрасная леди, – шепнул кто-то над самым ее ухом, – куда я могу поставить цветы?

На похороны приносят что-нибудь милое и печальное: лилии, хризантемы или даже розы. Но в нее ткнули огромным букетом бело-розовых пионов, от которых пахло летом и лугом. Казалось, цветы только что срезали. Грейс даже убрала руки за спину, потому что ей почудилось, что по листьям ползают жучки.

Цветов было много, должно быть, больше двух дюжин. Кому придет в голову приносить такой букет на похороны старухи?

«У тебя не получится не прикоснуться к стеблям», – подсказал внутренний голос, который обычно отвечал за социальную коммуникацию.

– Я возьму, – сказала она нерешительно и уже протянула руки, как букет немного отодвинулся.

– Мне бы не хотелось вас затруднять.

Даритель выглянул из бело-розового ароматного облака, и Грейс увидела самого красивого мужчину из всех, кого когда-либо встречала. У него была гладкая оливковая кожа, а глаза такие зеленые, что Грейс сперва решила, что это линзы. Темные волосы были длиннее, чем обычно стригутся взрослые мужчины, но и не такие длинные, чтобы сделать облик женственным.

– Все в порядке, – сказал гость, улыбнувшись, и от этой улыбки у Грейс подкосились колени. – Я положу букет на гроб, если вы не против.

Мужчина отошел и почтительно положил букет на нижнюю, закрытую часть крышки. Он с любопытством заглянул внутрь и почему-то нахмурился с некоторым, как показалось Грейс, неодобрением. Словно подумал: «Как не стыдно быть такой старой и такой мертвой. Фу!»

Почти все стулья уже были заняты. Вошел священник, за ним следовала Лора, еще более нервная и суетливая, чем с утра. Грейс отыскала глазами незнакомца с пионами – он все еще стоял у гроба. Затем он выпрямился и, заметив у стены парня с косичками, отошел к нему и встал рядом. Белоголовый кивнул, и они перебросились парой фраз.

Родственники? Парень – его сын? Кем тогда они могут приходиться Марджори?

Началась служба, и Грейс постаралась незаметно скрыться в коридоре. Она не любила все эти церковные штучки и, как и Лора, не верила ни в какого бога. Они никогда толком не говорили на эту тему, но в их квартире не было ни распятия, ни статуэток Мадонны, а Рождество было просто праздником с елкой и подарками. Правда, мама в комнате держала статую Ганеши и временами клала перед ним конфетки или зажигала пахучие палочки. Интересно, это считается?

Пока шла служба, Грейс отправилась на кухню и убедилась, что закуски разложены по маленьким корзиночкам из теста, а канапе наколоты на шпажки. Когда она снова заглянула в гостиную, мама сидела в первом ряду с пустым выражением лица и смотрела прямо перед

собой, теребя цепочку на шее. Она не плакала, что, наверное, в ее ситуации скорее дурной знак, чем наоборот. Зато человек-уже-без-букета почему-то глаз не сводил с Лоры, как будто пытался просверлить ей дырку в затылке.

«О боже, – мелькнуло в голове Грейс, – а если это мой отец?»

Эта мысль возникла в ее голове, такая ясная, что «перекричала» все остальные. А вдруг светловолосый парень действительно его сын? Это многое бы объясняло. Если мама связалась с женатым мужчиной, не зная, что у него уже есть семья, а позже выяснила, то порвала бы с ним.

Грейс смотрела на маму. Та сидела, обхватив себя руками и сторбившись. Взгляд застыл, и, кажется, она не слушала, что говорил священник.

Когда служба закончилась, гости зашевелились и потянулись к гробу попрощаться. Лора поднялась со стула, а красавчик-незнакомец через всю комнату двинулся к ней. Парень с косичками остался на месте, но смотрел в их сторону с неприязнью.

Тем временем поток гостей вновь двинулся к столам с закусками. На кладбище собирались ехать всего несколько человек, среди них две бабушкины соседки с мужьями и дочь одной из них. Они как раз отдавали распоряжения специальным людям, которые пришли взять гроб, чтобы отнести его в катафалк. Грейс на мгновение потеряла мать из виду и не слышала, о чем она говорит с незнакомцем.

«Я не понимаю», – донесся до Грейс голос Лоры, и ей пришлось вытянуть шею, чтобы разглядеть их. Мужчина что-то говорил, придвинувшись так близко, что мог бы поцеловать Лору, если бы захотел. Было в их позах нечто странное: мама стояла согнувшись, как будто у нее на плечах лежало что-то очень тяжелое. Грейс догадалась, что Лора плачет. Она хотела подойти и утешить ее, но незнакомец вдруг сделал то, отчего Грейс застыла на месте. Он подался вперед и обнял Лору – осторожно сомкнул руки у нее на спине, и Грейс увидела, как мама вздрагивает от слез, закрывая ладонями лицо, но не отодвигается.

В этом объятии не было ничего от секса или флирта – просто успокаивающее объятие старого друга. Грейс уже сделала шаг, но остановилась.

Мама не плакала при ней. Она никогда не позволяла себе расклеиться. Но, может, именно это было по-настоящему нужно? Грейс медленно выдохнула и вышла на улицу, оставив маму с гостем наедине.

У крыльца стояла длинная черная машина. Грейс в них плохо разбиралась, но была уверена, что именно эта машина наверняка стоила кучу денег. Что удивительно, Грейс даже не сомневалась, кому она принадлежит.

Наконец мать вышла из дома, кутаясь в вязаный платок. Она выглядела бледной и почти испуганной.

– Мам? – позвала ее Грейс и тронула за плечо: – Все в порядке?

Лора только суетливо качнула головой в сторону дверей катафалка. С ними ехал священник, так что поговорить особо не удавалось. Грейс только сжала мамины пальцы, холодные и влажные на ощупь, и слегка боднула ее лбом в плечо.

– Кто это был? – шепнула она.

– Понятия не имею, – отозвалась Лора.

– Он тебе что-то сказал? Что-то неприятное?

Лора тряхнула головой:

– Грейс, пожалуйста, давай потом. Мне сейчас сложно, правда.

Они добрались до пункта назначения минут за пятнадцать, и Грейс была благодарна за эту скорость.

Кладбище было небольшим и почти уютным. Должно быть, в солнечную погоду оно выглядело даже жизнеутверждающим. Наверное, тут неплохо прогуливаться или читать, приклонившись спиной к могильному камню. Хотя одна мысль, что твое тело будет гнить в дере-

вянном ящике где-то в земле, заставила Грейс вздрогнуть. Она предпочла бы кремацию. Но, наверное, католиков нельзя сжигать в печах даже после смерти.

Свежая могила казалась вырезанным в земле ровным прямоугольником. Рядом стояли несколько человек в черном. Гроба уже не было видно, значит, его опустили в яму.

Грейс хотела бы держаться подальше от этого всего: от священника, похожего на радостного пингвина, от камней, от лежащих под землей покойников. Она просто не хотела в этом участвовать, даже ради мамы. На секунду Грейс разрешила себе это отвращение. Она пропустила его через себя и позволила себе поверить, что сейчас развернется, уйдет в машину и будет наблюдать за всем со стороны.

– ...и то, что сейчас здесь стоят ее дочь и ее внучка, лишь подтверждение тому, какой любящей женщиной она была...

На свежем воздухе Лора выглядела гораздо лучше и даже взяла Грейс за руку, когда та встала рядом. Почувствовав движение за спиной, девушка обернулась и увидела, как к могиле подошли те, кого она приняла за отца с сыном.

Черное свободное пальто на мужчине колыхалось, как птичьи крылья, а сам он двигался так, будто слышал музыку. На парне была короткая кожаная куртка, руки он держал в карманах, и по выражению его лица было видно, как ему не хочется здесь находиться. Наверное, так же, как Грейс.

Оба встали прямо у Лоры за спиной. У Грейс волоски зашевелились на шее и пришлось приложить усилие, чтобы расслабить плечи. Рука Лоры напряглась. Грейс знала, как матери хочется обернуться.

Земля ударилась о крышку гроба, и Грейс вздрогнула.

– Все хорошо, – шепнула ей Лора и сунула в руку цветок. Это был пион из того самого букета.

– Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху в надежде на воскресение Иисуса Христа к вечной жизни через Господа нашего Иисуса Христа. Ты взят от земли и должен снова стать ею...

Они по очереди подходили к гробу и кидали в яму цветы. Грейс была рада избавиться от своего. Незнакомец стоял, задумчиво вертя в руках стебель пиона, пока парень не толкнул его плечом – как показалось Грейс, довольно грубо.

– Ты как? – спросила Лора, заглядывая дочери в глаза.

– Я рада, что ты поплакала, – ответила она. – Ты правда не знаешь, кто это?

Лора моргнула.

– Понятия не имею. – Она вздохнула и потерла руками лицо.

– Если ты мне врешь, это твое дело, правда. А если нет, то, думаю, кладбище – не самое плохое место для знакомства.

– Что? – Лора нахмурилась.

– Я серьезно. Я где-то читала, что людям после похорон всегда хочется заняться сексом. Ну, если это не их похороны, конечно.

– Грейс! – Мама легко хлопнула дочь по руке и засмеялась. Слишком громко, наверное, потому что священник бросил в их сторону осуждающий взгляд. – Я провожу гостей, а ты пока осмотрись, вдруг тебе тоже с кем-нибудь захочется заняться сексом.

Осуждающие взгляды – это люди умеют хорошо, стоит тебе засмеяться невпопад, слишком громко прочистить нос или вылить себе за шиворот холодную воду из бутылки. Но Грейс было плевать. Важное уже произошло – Лора засмеялась. Она расколдовалась, сбросила с себя проклятие старой мертвой Марджори, которая когда-то была ее матерью, а теперь – всего лишь не самое свежее тело. Потом Лора будет плакать еще: утыкаться себе в колени, обхватывать руками голову, кусать губы, но это уже будут нормальные, *здоровые* слезы.

Грейс хмыкнула и развернулась. Мужчина и парень стояли в стороне рядом со своей ужасно дорогой машиной. Судя по позам, они ссорились. Тот, что с косичками, что-то зло говорил, тыкая пальцем в сторону могилы.

«Или в сторону моей мамы?»

Эта мысль заставила Грейс приблизиться к спорщикам.

– А сейчас, значит, ты решил поиграть в хорошего отца? – спрашивал парень. – Где ты был все это время?

Грейс почувствовала, как участился пульс, и надеялась, что эти двое не повернутся в ее сторону.

– По-твоему, Александр, я опять во всем виноват, – сдержанно отвечал мужчина.

– А кто виноват? Кто заставлял тебя с ней связываться? Зачем ты вообще притащился сюда?

Кто-то тронул Грейс за плечо. Одна из соседок бабушки заключила ее в душные стариковские объятия, неловко похлопывая по спине.

Парень, которого он назвал Александром, вздохнул, обошел машину и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья и исчез внутри.

Глава VII

«Стоп», – велела Грейс воображаемому режиссеру и остановила картинку. Она часто так делала: смотрела воспоминания, как фильм, и временами нажимала на кнопку паузы. В этом застывшем «кадре» она вглядывалась в лицо мужчины, пытаясь понять, есть ли между ней и ним сходство.

«С другой стороны, это ведь ни о чем не говорит, – подумала она, – Александр на него совсем не похож».

Пока Грейс сидела в маминой комнате, перебирая вещи, Вивиан успела разобраться с установкой сигнализации. Из окна Грейс видела, как туда-сюда ходят люди. Временами появлялась Вивиан, смотрела, куда указывали работники, и кивала. Несмотря на сумеречный день, она ни разу не сняла очки.

Работу закончили уже под вечер. Точнее, закончила Вивиан, потому что Грейс так и не смогла оказаться полезной, хотя очень хотела. Каждый раз, когда она уже намеревалась спуститься и спросить, нужна ли помощь, ступни будто прилипали к полу.

Потом Грейс позволила себе провалиться в мысли о маме. Она листала ее книги – уютные, зачитанные, с загнутыми уголками и карандашными пометками. Лора обожала историю Билли Миллигана – мужчины, у которого в голове жили 24 личности. Она говорила, что читается роман как настоящий детектив. Грейс открыла страницу наугад:

«– Билли знает про нас?»

– Нет. Время от времени он слышит голоса, иногда что-то видит, но не знает, что мы существуем.

– Разве ему не следует сказать?»

– Не думаю. Мне кажется, его рассудок не вынесет этого».

Рассудок не вынесет... Иногда у Грейс было ощущение, что ее головы слишком мало для всех мыслей, что наводняют черепную коробку. Череп будто распирало изнутри, как будто кто-то надувал там воздушный шарик. Мама заставляла Грейс чаще медитировать, и это действительно помогало.

Они выехали обратно затемно. Грейс думала, что Вивиан предложит заночевать в Ландсби, но тетка, похоже, о таком даже не помышляла. За целый день опекунша не съела ни рисового зернышка и не предложила подкрепиться Грейс, так что на обратном пути у девушки так болел желудок, что пришлось сидеть скрючившись.

В машине Вивиан все же сняла очки – по всей вероятности, они мешали ей видеть дорогу. Но Грейс уже так привыкла к тому, как родственница выглядела без них, что почти не отвлекалась на глаз с бельмом.

Всю обратную дорогу тетка и племянница молчали, поглощенные своими мыслями. Они неслышно въехали в Фьельби, где как будто ничего не изменилось – все равно что нырнуть в одно и то же озеро с разных мостков. Грейс искала глазами какую-нибудь забегаловку, где можно было разжиться вегетарианским сэндвичем или хотя бы картошкой фри. Но, как назло, светились только окна жилых домов. Магазины закрылись, даже супермаркет. Интересно, что местные жители делают, когда им нужно купить еду или прокладки? Ждут утра?

– Мама когда-нибудь говорила о моем отце? – вдруг спросила Грейс, смирившись с тем, что образ красавчика с пионами не идет у нее из головы.

Вивиан задумчиво нахмурилась и выкрутила руль в сторону леса. Блик стекла впереди подсказал, что дом где-то совсем близко. Он выплыл из-за деревьев, как стеклянный гроб Белоснежки, спрятанный гномами в самой чаще.

Опекунша выставила руку с брелоком из окна, и дверь гаража с тихим жужжанием поползла вверх, складываясь гармошкой.

– Не со мной – это точно, – ответила она сухо. – Говорю же, мы не общались.

Вивиан заглушила мотор и покинула машину, Грейс – за ней. Тетка поднялась по ступенькам и несколько секунд постояла на пороге, вглядываясь в ровную темноту леса без теней и шорохов. Встряхнувшись, шагнула внутрь и зажгла свет.

Грейс вошла следом. Вивиан бросила сумку на столик перед зеркалом и первым делом направилась на кухню, чтобы вставить капсулу в кофемашину.

– Будешь кофе? – предложила она Грейс. Кажется, тетка могла пить кофе в любое время дня и ночи. На часах было восемь.

Грейс не хотела кофе, – она не особенно любила его вкус, – но тетка впервые заговорила с ней *нормально*. Не по-родственному и не как с кем-то, кто вторгся на чужую территорию. Грейс это вполне устраивало. Ради того, чтобы не нарушить этот зыбкий баланс, она готова была не поспать ночь.

Опекунша выглядела уставшей. Наверное, дорога далась ей нелегко из-за зрения.

– Да, спасибо. Вы совсем не общались с мамой? Вообще? Ни писем, ни комментариев в соцсетях?

Вивиан вздохнула и протянула Грейс чашку, полную капучино. С кофе она, по крайней мере, угадала: много молока, много пены и сахара, в самый раз. Себе Вивиан сделала черный.

– Лора мне писала, звонила несколько раз и однажды пыталась приехать, уже после твоего рождения.

– «Пыталась», – повторила Грейс, сделав ударение на этом слове.

Вивиан кивнула, ничуть не смутившись:

– Я не впустила ее.

– У вас все было настолько плохо?

– Достаточно плохо, чтобы я заблокировала ее по всем каналам связи.

Грейс почувствовала, как напряглась Вивиан – взгляд ее единственного зрячего глаза стал ледяным. Вивиан будто ушла в себя, и там, внутри, было действительно плохо. Грейс сделала большой глоток сладкого чая, несколько мгновений размышляла, стоит ли задавать следующий вопрос, но потом решила:

– Ваш глаз и шрамы – что это было? Кислота?

– Щелочь, – ответила Вивиан. Ее голос прозвучал отстраненно.

Грейс не смогла бы разгадать выражение лица Вивиан, даже если бы знала ее дольше нескольких недель. Тетка «закрылась» от нее – так створки лифта сдвигаются перед твоим носом, и кабина с шорохом уезжает, оставляя только пустое пространство за стальными дверьми.

– Теперь моя очередь, – вдруг сказала Вивиан. – Откуда у Лоры эта цепочка?

Рука Грейс машинально метнулась к шее. Телефон в кармане завибрировал, намекая, что пришло еще одно новое сообщение. Она прочтает его позже – с тех пор как Лора пропала, письма и сообщения сыпались как из рога изобилия. Будь это что-то срочное, позвонили бы.

– Я не знаю, – призналась Грейс. – Она вроде с детства ее носила. Никогда не снимала: ни в ванной, ни в кровати. А почему вы спрашиваете?

– Моя сестра говорила, кто ей подарил цепочку? – проигнорировав вопрос, продолжила Вивиан.

– Не помню, – пожала плечами Грейс. – А с чего вы вообще решили, что цепочку ей подарили?

Вивиан попала в точку. Лора никогда не тратила денег на украшения. Она и одежду обычно занашивала до дыр, а после находила магазин, который брал старые вещи на переработку. Лора никогда в жизни не купила бы себе серебряную цепочку, как ни за что не надела бы шубу из натурального меха. Но откуда тетка могла об этом знать?

– Можешь мне поверить на слово, – уверенно ответила Вивиан.

Грейс нахмурилась и побарабанила пальцами по столу.

– Может, мой отец?

Вивиан подняла брови удивленно и озадаченно.

– Я могу рассказать о дне похорон, – внезапно предложила Грейс. – Не знаю почему, но я прокручиваю его в голове снова и снова, как «гифку».

– Тогда я сделаю еще кофе. Но цепочку точно подарил не твой отец.

Пока Грейс рассказывала, Вивиан молчала. Она была плохой слушательницей: не переспрашивала, не удивлялась, вообще не подавала признаков заинтересованности. Только по сосредоточенному взгляду единственного глаза можно было понять, что она не отвлекается. Но когда Грейс взялась описывать странного мужчину с мальчишкой-подростком, опекунша наморщила лоб и подалась вперед, опираясь на стол.

– Он ее обнял? Первый? Этот мужчина взял и обнял Лору? – настойчиво переспросила Вивиан.

– Или она его, сложно сказать, – растерялась Грейс. Она сбилась – так всегда бывает, когда задумываешься. Даже если секунду назад ты не сомневалась, но стоит кому-то попытаться «поймать» тебя, вмиг теряешь всю уверенность. – Лора в тот день была сама не своя, очень горевала из-за матери.

– Да, да, любимая маменькина дочка, – отмахнулась тетка. – Можешь еще раз описать этого типа с пионами?

– Высокий, выше меня на голову, – осторожно начала Грейс, пробуя слова на язык, как канатоходец ощупывает ступней веревку перед тем, как наступить всем весом. – Мне показалось, что немного моложе мамы. Волосы темные, длина примерно до кончиков ушей, глаза зеленые. Очень красивый.

Грейс почувствовала, как заливается краской, но тетка на это, кажется, даже не обратила внимания. Или из деликатности сделала вид, что не обратила, хотя раньше за ней Грейс особой тактичности не замечала.

– Он вам кого-то напоминает? – спросила Грейс.

Вивиан несколько раз качнула головой, но «нет» так и не сказала. Вместо этого она предложила:

– Пойдем-ка, я кое-что покажу тебе.

Тетка резко встала – ножки стула издали отвратительный скрежет, – вышла из кухни и уверенно направилась к обитой железом двери. Грейс последовала за ней, не очень понимая, чем им сейчас может помочь ювелирная мастерская.

Она ждала, что Вивиан достанет магнитный ключ или наберет код, но тетка просто приложила большой палец к небольшому экрану на уровне глаз, и внутри щелкнул замок. Предостерегающе мигнул драконий глазок камеры над их головами. Опекунша шагнула внутрь темной комнаты, и тут же зажегся белый яркий свет – сработали сенсоры. Ну да, если она устанавливает электронный замок, почему бы не добавить к нему датчики движения?

Грейс огляделась, но была разочарована. Она думала, что в ювелирной мастерской все должно переливаться и блестеть: кольца на бархатных подставках, россыпи бриллиантов, серьги, покачивающиеся на пластиковых руках, подвески на шеях манекенов... Вместо этого посреди комнаты стоял стол с микроскопом, вокруг которого были разложены инструменты. Одни будто попали сюда из кабинета стоматолога, другие – из набора автомеханика или слесаря, а большие, похожие на принтеры, – из обычного офиса. И ни одного бриллианта в зоне видимости!

Вивиан дала знак племяннице подойти к столу с микроскопом.

– Не тяжело работать с одним глазом? – поинтересовалась Грейс и тут же устыдилась бестактности своего вопроса.

– Не особенно, – невозмутимо ответила Вивиан. – А что ты мне предлагаешь? Коробочки склеивать?

Она включила яркую настольную лампу и кивнула на микроскоп:

– Клади под линзу.

Грейс послушно положила цепочку туда, куда указывала тетка, и стала ждать, пока та настроит увеличение. Наконец Вивиан замерла. Движения ее пальцев стали медленнее и аккуратнее, пока рука окончательно не замерла над регулятором.

– Вот! – торжествующе сказала она, выпрямилась и жестом предложила Грейс взглянуть.

Грейс склонилась над микроскопом. Несколько секунд глаза привыкали к необычному ракурсу, а потом она увидела то, что так поразило тетку.

Звенья цепочки были не просто соединенными кольцами – между собой переплетались крошечные листочки и усики, словно кто-то сделал веночек из серебряной лозы. Но дело было не только в причудливом узоре. Листочки выглядели как настоящие, Грейс могла разглядеть даже прожилки. Листья отличались друг от друга по цвету: одни почти белые, словно покрытые инеем, другие – с темным рисунком. Но ни один не походил на другой. Казалось, кто-то очень маленький просто набрал листьев в саду и нанизал на нитку.

Грейс медленно выпрямилась. Перед глазами рябило от напряжения.

– Я так понимаю, что это очень тонкая работа. Поэтому вы решили, что это не просто покупка, а подарок. Возможно, сделанный на заказ?

Грейс забрала цепочку из-под микроскопа и снова надела, с трудом защелкнув замок влажными пальцами. Интересно, как одноглазой Вивиан удалось разглядеть такую мелочь, если даже Грейс, видя эту цепочку каждый день, ничего не заметила?

– Скажем так: я бы не смогла повторить такую работу. А я не худший ювелир, – без обиняков ответила Вивиан. – Разумеется, это не массовое производство.

– Тогда, может, на цепочке есть клеймо мастера или что-то подобное?

Грейс сама не знала, почему именно сейчас это стало таким важным. Вивиан обдумала ее слова.

– Может быть. Я посмотрю позже. Хотя не уверена, что клеймо нам что-то даст. Лора говорила, что носила ее с детства?

– Да.

– Но я не помню этой цепочки.

Грейс покатала звенья между пальцами. Теперь, когда она видела узор под увеличением, дотрагиваться до украшения стало боязно – вдруг порвется?

– Сколько вам было лет, когда вы уехали? – Грейс попыталась, чтобы вопрос прозвучал легко, но напряжение все равно скапливалось в воздухе.

– Восемь. Твоей матери, соответственно, пятнадцать.

– Единственный вывод, который напрашивается: цепочка оказалась у нее уже после отъезда.

Вивиан подняла брови:

– Ты могла бы быть настоящим сыщиком. Действительно, как же я сама не подумала? Большое облегчение, что хотя бы эту тайну мы разгадали.

Грейс почувствовала, как горят уши. Она просто хотела озвучить все, что они выяснили. Когда ты привык цепляться за каждую мелочь, свои идеи непременно нужно произносить или даже записывать – от этого они делаются более вещественными, более настоящими. Все это можно было бы объяснить, но даже в голове Грейс собственные мысли звучали как оправдание. А если начать конфликт, это может затянуться. Можно, конечно, эффектно хлопнуть дверью в собственную комнату, но проблема в том, что здесь у нее не было ничего своего.

Чтобы как-то замять разговор, она демонстративно зевнула и сказала:

– С ног валюсь, – и не успела Грейс закончить фразу, как поняла, что это чистая правда.

Приняв душ и переодевшись в пижаму, Грейс лежала в темноте под одеялом и прислушивалась к шорохам за окном. Странно было спать в месте, до которого почти не долетал шум трассы. За окном черная полоса леса сливалась с темно-синим небом. Звезды на нем казались хрупкими, будто из стекла.

До Грейс доносились шаги Вивиан на первом этаже. Тетка расхаживала, громко стуча каблуками, как человек, который не привык жить с соседями, чей сон нужно беречь. Вряд ли она намеренно производила шум, просто не задумывалась, мешает кому-то или нет.

Телефон опять завибрировал. Грейс открыла мессенджер. Белый экран ослепил ее после темноты. Она решила, что писал ее парень Крис.

Первую ночь после пропажи мамы она провела в компании полицейских. Оглушенная, испуганная, она все время ждала, что вот-вот позвонят из больницы или морга. Тогда Крис писал ей эсэмэски каждые десять минут. Он даже не знал, читает ли их Грейс. А она читала, и даже смеялась, если он присылал что-то забавное. Смеялась и думала, что после того, как маму найдут, повеселиться уже не получится.

Перед отлетом Грейс предложила Крису еще раз подумать над их отношениями – нужна ли ему любовь на расстоянии? Крис ответил решительным согласием, но за все время, пока она была тут, написал от силы два или три сообщения. Спросил, как долетела и понравилась ли местная школа. И хотя Грейс была готова к разрыву, все равно было больно оттого, что еще один близкий человек от нее отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.